

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Эдгар Уоллес
Четверо Благочестивых

Эдгар Аллан По
Золотой жук

Золотая библиотека детектива

Эдгар Уоллес

**Четверо Благочестивых.
Золотой жук (сборник)**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

ББК 84.4ВЕЛ + 84.7США

Уоллес Э. Р.

Четверо Благочестивых. Золотой жук (сборник) /
Э. Р. Уоллес — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
— (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-9-66-141873-7

В пятый том серии «Золотая библиотека детектива» вошли два романа Э. Уоллеса («Четверо благочестивых» и «По обе стороны закона») и рассказы Э. А. По («Золотой жук», «Лигейя», «Стук сердца», «Уильям Уильсон»).

ББК 84.4ВЕЛ + 84.7США

ISBN 978-9-66-141873-7

© Уоллес Э. Р.
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга»

Содержание

Предисловие	6
Эдгар Уоллес	8
Четверо благочестивых	8
Пролог. Ремесло Тери	8
Глава I. Статья	11
Глава II. В палате общин	15
Глава III. Вознаграждение в тысячу фунтов	20
Глава IV. Приготовление	25
Глава V. Чрезвычайное происшествие в «Мегафоне»	30
Глава VI. В тревожном ожидании	38
Глава VII. Посыльный «Четверых»	45
Глава VIII. Записная книжка	52
Глава IX. Алчность Билли	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эдгар Уоллес, Эдгар Аллан По Четверо благочестивых. Золотой жук (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2010

Предисловие

Авторы, чьи произведения составляют пятый том «Золотой библиотеки детектива», являются представителями двух достаточно контрастных направлений развития этого литературного жанра: так называемого *сенсационного* и так называемого *интеллектуального* детектива.

* * *

Эдгар Уоллес, один из основоположников первого, сенсационного, направления, – признанный мастер лихо закрученной интриги, неумолимый сочинитель коллизий, до предела насыщенный стремительным действием, которое способно приобретать самостоятельную ценность. При этом зачастую игнорируются критерии морального, идеологического характера, а иногда и соображения формальной логики. Безусловный приоритет отдается увлекательности, с ее атмосферой погонь, перестрелок, ошеломляющих разоблачений, потайных ходов, экзотических притонов и прочих аксессуаров, составляющих «джентльменский набор» писателя такого направления.

Данный творческий метод характеризуется известным упрощенчеством, в системе которого отсутствуют тщательно разработанные характеры, динамика их развития и психологическая правда взаимоотношений, когда персонажи наделены лишь определенными фиксированными качествами, как это присуще сказке или компьютерной игре.

Агата Кристи, как-то упоминая в одном из своих романов потайной коридор, заметила не без сарказма: «Это несколько напоминает Эдгара Уоллеса, но коридор в самом деле существует».

Литературный критик Маргарет Лейн охарактеризовала особенности творчества Уоллеса таким образом: «Его идеал – волнение, свободное от тревоги, напряжение без страха, обезболенное насилие и лишенный отталкивающих аспектов ужас».

Нечто напоминающее водевиль.

Или сказку.

Хотя бы потому, к примеру, что задача, которую поставили перед собой герои романа «Четверо благочестивых», практически невыполнима для простого смертного. Решив радикально повлиять на внутреннюю политику государства (что уже само по себе экзотично для детектива, по крайней мере, того периода), герои романа заранее сообщают, в какой день и час они ликвидируют свою высокопоставленную жертву и, несмотря на беспрецедентные меры защиты, напроочь исключая саму вероятность покушения, убийство все же происходит.

Герои романа действуют как классические преступники, но вместе с тем преступники позитивные, вызывающие мощную волну читательских симпатий.

Уоллес таким образом развивает некую линию «преступник – герой», возникшую на рубеже веков. Первооткрывателем ее принято считать английского писателя Гранта Алена, создавшего образ полковника Клэя, светского льва и очаровательного мошенника. Э. У. Хорнанг, шурин Конан Дойла, написал в 1899 г. детектив «Раффлс, взломщик-любитель», где безмерно обаятельный главный герой имеет все основания скрываться от полиции. Марсель Алэн и Пьер Сувестр преподнесли миру легендарного, абсолютно непобедимого Фантомаса. И, конечно же, Морис Леблан, придумавший Арсена Люпена, джентльмена-взломщика, повелителя воров, фрачного красавца, небрежно поигрывающего дорогой тростью...

Столь же элегантно, смелы и неотразимы Гонзалес, Манфред и Пуаккар – герои Уоллеса. Открыв вполне респектабельное детективное агентство (роман «По обе стороны закона»), эти люди под его прикрытием исполняют функции слуг Немезиды, богини справедливости и возмездия, так что там, где бессильно, предубеждено или подкупно официальное правосудие, их тайный трибунал неизменно воздаст должное злодеям, избежавшим справедливой кары. Воздаст оперативно и абсолютно неотвратно, что не может не греть души читателей, мечтающих, как все нормальные люди, о справедливости во вселенском понимании этого слова, когда каждому гарантированно воздается свое...

Вот почему, весьма вероятно, именно эти *сенсационные* детективы Уоллеса в свое время пользовались наибольшей популярностью.

* * *

Эдгар Аллан По, основоположник детективного жанра как такового и *интеллектуального* детектива в частности, представлен в этом томе «Золотой библиотеки...» несколькими признанными шедеврами, среди которых особое место занимает «Золотой жук». Здесь нет, как в других детективных историях, кровавых преступлений и захватывающего процесса их раскрытия, но есть сыщик и есть клад, обнаруженный им в результате сугубо интеллектуальных усилий, что придает особую остроту этой в общем-то тривиальной по своему сюжету истории.

Между прочим, благодаря именно «Золотому жуку» тема кладоискательства стала чрезвычайно популярной в американской литературе второй половины XIX века.

В произведениях Эдгара По неизменно присутствует тайна, однако она далеко не всегда носит выраженный криминальный характер. Зачастую это вовсе не тайна чего-то **содеянного**, а тайна человеческой души, ее подспудных страстей, ее темных закоулков, где терпеливо ждут своего часа психологические установки, о которых не принято говорить вслух.

Такова тайна героя произведения «Стук сердца», таковы тайны обитателей странного дома, описанного в новелле «Удивительная система», такова тайна Уильяма Уильсона, вступившего на путь беспощадной борьбы со своим alter ego, которое отчаянно пыталось помешать его нравственному падению и осмелилось назвать Зло своим именем.

Несколько особое место занимает «Лигейя» – новелла, где нашел свое художественное отображение образ Вирджинии, жены писателя, раннюю смерть которой он предугадал со всеми сопутствующими этой трагедии деталями как реалистического, так и мистического характера. Эти детали в причудливом сочетании своем образуют редкое по своей эстетической ценности явление, о котором в свое время восторженно отозвался Федор Достоевский, отметив, в частности, «особенность, какой мы не встречали ни у кого: это сила подробностей».

Благодаря именно этой силе фантазия Эдгара По воспринимается как вполне достоверный срез действительности, с ее Любовью, Ненавистью, иссохшими пустынями желаний и бушующими океанами страстей, раздирающих столь ранимую и непредсказуемую человеческую Душу.

В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации детективного и исторического романа

Эдгар Уоллес

Четверо благочестивых

Пролог. Ремесло Тери

Если вы покинете Пласа де Мина, пройдете по тесной улочке, где с десяти до четырех лениво покачивается большой флаг консульства Соединенных Штатов, пересечете площадь, на которую выходит фасадом Отель де Франс, зайдете за угол собора Богоматери и выйдете на чистую неширокую улицу, главную улицу Кадикса, то непременно увидите Кафе Наций.

В пять часов в широком с колоннами зале людей обычно не много, и маленькие круглые столики, загораживающие тротуар перед дверью кафе, как правило, пустуют.

Поздним летом (в год, когда страну охватил голод) четверо мужчин сидели за одним из столиков и разговаривали о делах.

Одного из них звали Леон Гонзалес, второго Пуаккар, третьим был славный Джордж Манфред, а четвертым – некто Тери, он же Симон. Из этого квартета только имя Тери известно тому, кто изучает современную историю. В полицейском архиве хранится его досье. Он там так и зарегистрирован: «Тери (он же Симон)».

Если вам любопытно, и если у вас имеется разрешение, вы можете также полюбоваться его фотографиями, на которых он изображен в восемнадцати различных позициях: с руками, скрещенными на широкой груди, лицо анфас, с трехдневной щетиной, в профиль, с... Но стоит ли перечислять все восемнадцать?

Кроме того, хранятся там и фотографии его ушей (надо сказать, довольно уродливых, похожих на уши летучей мыши), а также длинный и полный рассказ о его жизни.

Синьор Паоло Мантегацца, директор Национального Антропологического музея во Флоренции, оказал Тери честь, включив его в свою прекрасную книгу (упоминание о нем вы найдете в главе «Интеллектуальная значимость лица»); поэтому я и говорю, что любому, кто изучает криминологию или физиогномику, имя Тери должно быть знакомо.

Этот человек сидел за маленьким столиком и чувствовал себя явно неуверенно: пощипывал свои жирные щеки, приглаживал лохматые брови, водил пальцами по белому шраму на небритом подбородке, короче говоря, делал все, что обычно делают простые люди, неожиданно оказавшись в обществе «важных лиц». Ибо и голубоглазый с беспокойными руками Гонзалес, и мрачный, неприветливый и недоверчивый Пуаккар, и Джордж Манфред с полуседой бородой и моноклем в глазу были менее известны в уголовном мире, но каждый из них, в чем вы скоро убедитесь, был великим человеком.

Манфред отложил последний номер «Геральдо ди Мадрид», вытащил монокль, протер его безукоризненно чистым носовым платком и усмехнулся.

– Смешные эти русские, – заметил он.

Пуаккар нахмурился и потянулся за газетой.

– Кто... на этот раз?

– Губернатор одной из южных провинций.

– Убит?

Усы Манфреда презрительно натопорщились.

– Пф! Да разве можно убить нужного человека бомбой? Да-да, знаю, бывало... Но это до того неуклюжий, варварский способ... Это все равно что подрывать городскую стену, надеясь, что она рухнет и раздавит среди остальных и вашего врага.

Пуаккар, как обычно, не торопясь и вдумчиво прочитал телеграмму.

– Князь получил серьезные раны, а несостоявшийся убийца потерял руку, – процитировал он и неодобрительно скривил губы. Не знающие покоя руки Гонзалеса нервно сжались в кулаки и тут же разжались – у Леона это было явным признаком беспокойства.

– Я вижу, нашего друга, – улыбнувшись, Манфред кивнул в сторону Гонзалеса, – нашего друга мучает совесть, и...

– Всего-то один раз! – поспешно прервал его Леон. – И не по моей воле. Вы же это прекрасно знаете, Манфред, и вы Пуаккар, – Тери он не упомянул. – И вообще, я был против этого, помните? – Похоже, он хотел как можно скорее оправдаться в некоем проступке. – Ведь ничего серьезного-то не было! Да и жил я в Мадриде, – торопливо продолжил он. – А тут ко мне являются эти люди, несколько рабочих с какого-то завода в Барселоне, и начинают рассказывать, что задумали. Я как услышал, что они разбираются в простейших законах химии, так у меня от ужаса глаза на лоб полезли. Ну я и расписал им все ингредиенты, пропорции и стал умолять – да-да, чуть ли не на коленях – использовать какой-нибудь другой метод. «Дети мои, – говорил я, – вы играете с тем, чего даже химики касаться боятся. Если ваш хозяин завода действительно плохой человек, конечно же, уничтожьте его, застрелите, дождитесь, когда он разомлевший будет выходить из ресторана, и суньте ему петицию... сначала правой... потом левой... Вот так! – Леон покачал кулаками и нанес пару ударов снизу вверх по воображаемому угнетателю. – Но они и слушать меня не стали.

Манфред потрогал стакан с кремовой жидкостью, который стоял перед ним, и, лукаво блеснув серыми глазами, кивнул.

– Помню... Погибло несколько человек, а на суде главным свидетелем и консультантом по взрывчатке выступал тот, для кого предназначалась бомба.

Тери покашлял, привлекая к себе внимание, и остальные трое с интересом посмотрели на него. В голосе Тери прорезывались нотки обиды.

– Я, конечно, не такой важный человек, как вы, сеньоры. Но вот я слушаю вас и половины из того, о чем вы говорите, не могу в толк взять... Вы говорите о правительствах, о королях, о законах, о причинах. Если кто-то делает плохо мне, я сношу ему череп... – Поколебавшись, он продолжил: – Не знаю, как это сказать... Но я имею в виду, что... Вы вот убиваете людей, не испытывая к ним ненависти, тех людей, которые лично вам ничего плохого не сделали. Не по мне это, и... – Он запнулся, словно собираясь с мыслями, потом сосредоточенно посмотрел на дорогу, покачал головой и погрузился в молчание.

Остальные некоторое время смотрели на него, потом переглянулись, и все трое улынулись. Манфред извлек из кармана увесистый портсигар, достал из него мятую сигарету, развернул ее, снова ловко свернул в аккуратную трубочку и зажег спичку о подошву ботинка.

– Привычный... вам... способ... дорогой Тери, – произнес он, закуривая, – довольно глуп. Вы убиваете ради выгоды, мы убиваем ради справедливости, и это отличает нас от остальных профессиональных убийц. Когда мы видим, что злой человек несправедливо притесняет других, когда видим, что творится зло против Господа Бога, – Тери перекрестился, – и человека, и знаем, что по человеческим законам творец зла может избежать кары... Тогда караем мы.

– Вот что я вам скажу, – заговорил молчаливый Пуаккар. – Когда-то жила одна девушка, молодая и красивая, вон там... – он уверенно махнул рукой на север. – И был один священник, который... Священник, понимаете... А родители закрыли на это глаза, потому что такое часто происходит... Но девушка после того не чувствовала ничего, кроме стыда и отвращения. Она отказалась прийти к нему снова, и он поймал ее и запер в каком-то доме... Через время она ему надоела, и он ее выпустил. Тогда-то я ее и нашел. Она для меня ничего не значила, но я сказал себе: «Закон не сможет наказать этого человека так, как он того заслуживает». И вот однажды ночью, надвинув шляпу на лоб, я наведалься к этому священнику и

сказал, что на дороге умирает человек. Он не захотел со мной ехать, но я добавил, что умирающий – известный богач. Тогда он сел на лошадь, которую я привел для него, и мы прискакали в маленький домик на горе... Когда мы зашли, я запер дверь, он обернулся... Ему было не выбраться, и он это знал. «Что вы собираетесь делать?» – спросил он, задыхаясь от страха. «Я собираюсь убить вас, сеньор», – ответил я, и он мне поверил. Я напомнил ему про девушку... Когда я двинулся к нему, он закричал, но это было бессмысленно. «Позвольте мне повидаться со священником», – взмолился он, и я протянул ему... зеркало.

Пуаккар замолчал, чтобы отпить кофе.

– На следующий день его нашли мертвым на дороге. И никаких следов, которые могли бы указать на то, как он умер, – просто добавил он.

– А как он умер? – подался вперед Тери, но Пуаккар лишь мрачно усмехнулся и промолчал.

Тери подозрительно насупил брови и обвел взглядом своих соседей.

– Есть правительство, а есть люди, о которых правительство никогда не слышало. Помните Гарсиа, Мануэля Гарсиа, предводителя карлистов?¹ Он сейчас в Англии (это единственная страна, где он может чувствовать себя в безопасности), и оттуда руководит движением здесь, великим движением. Вы понимаете, о чем я?

Тери кивнул.

– В этом году, как и в прошлом, в стране голод. Люди умирают у дверей церкви, умирают от голода прямо на улицах. Ведь все видели, как на смену одному продажному правительству приходило другое, все видели, как миллионы перетекали из государственной казны в карманы политиков. В этом году что-то обязательно должно случиться, старому режиму придется уйти. Правительство знает об этом, оно знает, откуда исходит опасность, и понимает, что спастись можно только в случае, если Гарсиа попадет к ним в руки до того, как будет закончена подготовка к восстанию. Но Гарсиа сейчас в безопасности и ему бы ничего не угрожало, если бы не один член английского правительства, который собирается вынести на рассмотрение и провести некий законопроект. Если это случится, Гарсиа – конец. Мы хотим помешать этому законопроекту стать законом, и вы должны нам в этом помочь. Поэтому мы и позвали вас.

Тери был явно удивлен.

– Но чем я могу помочь? – неуверенно спросил он.

Манфред достал из кармана лист бумаги и протянул его Тери.

– Это, насколько я понимаю, – не торопясь произнес он, – точная копия вашей характеристики, которая имеется в полиции. – Тери кивнул. Манфред протянул руку и указал пальцем на слово в середине страницы. – Это то, чем вы занимаетесь?

– Да, – озадаченно ответил Тери.

– И вы в самом деле в этом смыслите? – очень заинтересованно спросил Манфред, а остальные двое напряженно подались вперед в ожидании ответа.

– Я знаю это дело досконально, – не без гордости произнес Тери. – И если бы не... одна ошибка, я мог бы зарабатывать большие деньги.

Манфред облегченно вздохнул и кивнул своим товарищам.

– В таком случае, – оживленно сказал он, – английского министра можно считать покойником.

¹ Карлисты (или апостолики) – политическая партия в Испании. (Здесь и далее примеч. пер.)

Глава I. Статья

Четырнадцатого августа 19... года в самой серьезной лондонской газете в нижней части одной из внутренних страниц сообщалось, что министр иностранных дел чрезвычайно озабочен: ему стали приходить многочисленные письма с угрозами, и он готов выплатить пятьдесят фунтов любому, кто предоставит какую-либо информацию, которая поможет выявить или арестовать лицо или лиц... и так далее. Немногочисленные читатели самой серьезной газеты с присущей всем истинным «атенеумцам»² тяжеловесностью суждений удивились, что министр иностранных дел вообще может быть чем-то озабочен, более того, что он стал афишировать свою озабоченность и особенно, что он посчитал, будто предложение вознаграждения сможет положить конец его озабоченности.

Редакторы разделов новостей менее серьезных, но более популярных газет, листая сухие страницы «Нэшнл джорнэл» и натываясь на эту статью, заметно оживлялись.

– Ну-ка, ну-ка! Интересно, – воскликнул Смайлс из «Комет», вырезал заметку огромными ножницами, приклеил ее на лист бумаги и приписал сверху заголовок: «Кто пишет сэру Филиппу?» Однако, подумав – «Комет» представляла оппозицию, – добавил к заметке маленькую статью, в которой с юмором высказал предположение, что письма поступают от думающих избирателей, начинающих испытывать раздражение от вялости и нерешительности нынешнего правительства.

Редактор раздела новостей «Ивнинг уорлд» (неторопливый седовласый джентльмен) дважды прочитал заметку, аккуратно ее вырезал, перечитал снова и, положив под пресс-папье, очень скоро о ней забыл.

Редактор раздела новостей «Мегафона», газеты очень распространенной, ознакомившись с заметкой, вырезал ее, вызвал к себе одного из самых расторопных репортеров и дал ему несколько кратких и четких указаний:

– Езжайте на Портленд-плейс³, попытайтесь встретиться с сэром Филиппом Рамоном и разузнайте, что это за история с письмами: почему ему угрожают, чем ему угрожают, если удастся, хорошо бы заполучить копию одного из писем. Не получится встретиться с Рамоном – прижмите его секретаря.

И репортер послушно отправился выполнять задание.

Вернулся он через час в том загадочно-возбужденном состоянии, которое характерно для репортера, раздобывшего «сенсацию». Редактор новостей, как и положено, доложил о добытых сведениях главному редактору, и сей небожитель постановил: «Неплохо, очень неплохо!» – что в его устах было высшей похвалой.

Чем именно был так уж «неплох» рассказ репортера, можно узнать из появившейся в «Мегафоне» на следующий день статьи:

«МИНИСТР В ОПАСНОСТИ!

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ УГРОЖАЮТ РАСПРАВОЙ!

“ЧЕТВЕРО БЛАГОЧЕСТИВЫХ”

ПОПЫТКА ПОМЕШАТЬ ВВЕДЕНИЮ НОВОГО ЗАКОНА ОБ ЭКСТРАДИЦИИ!

СЕНСАЦИОННЫЕ ОТКРОВЕНИЯ!

Немалое волнение было вызвано публикацией во вчерашнем разделе новостей “Нэшнл джорнэл” статьи следующего содержания:

² «Атенеум» – лондонский привилегированный клуб преимущественно для ученых и писателей. Основан в 1824 г.

³ Улица в центре Лондона.

“В течение последних нескольких недель министр иностранных дел, сэр Филипп Рамон, получил ряд писем угрожающего содержания, судя по всему, исходящих из одного источника и написанных одним человеком. Характер данных посланий не позволяет Его Величества государственному секретарю иностранных дел⁴ оставить их без внимания, посему он предлагает вознаграждение в размере пятидесяти фунтов (£50) любому лицу или лицам – кроме самого корреспондента, – предоставившим такие сведения, которые сделают возможным задержание и арест автора анонимных писем”.

Подобное объявление показалось нам настолько необычным, учитывая, что анонимные и угрожающие письма обычно ежедневно поступают в почтовые ящики каждого чиновника и дипломата, и “Мегафон” решила незамедлительно выяснить, что стоит за странным предложением министра.

Представитель газеты отправился в резиденцию сэра Филиппа Рамона, который любезно согласился на разговор.

– Это действительно весьма необычный шаг, – сказал министр иностранных дел, отвечая на вопрос журналиста, – но он был предпринят с полного одобрения моих коллег по кабинету. У нас есть основания предполагать, что это не пустые угрозы. Могу добавить, что это дело вот уже несколько недель находится в руках полиции. Вот одно из этих писем, – с этими словами сэр Филипп вынул из портфеля листок иностранной почтовой бумаги и позволил нашему представителю сделать копию.

Письмо не было датировано, написано хорошим английским языком, несмотря на то что витиеватый, похожий на женский почерк выдавал представителя латинской расы.

Приведем его полностью:

“Ваше Превосходительство!

Законопроект, который Вы собираетесь провести, несправедлив. Его цель – сделать так, чтобы стало возможным выдавать в руки коррумпированного и мстительного правительства людей, которые в Англии нашли убежище от преследования деспотов и тиранов. Нам известно, что в Англии общественное мнение о Вашем законопроекте разделилось, и что теперь исключительно от Вашей настойчивости зависит судьба законопроекта.

Посему мы вынуждены предупредить Вас, что в случае, если ваше правительство не отклонит законопроект, возникнет необходимость устранить Вас, и не только Вас, но и каждого, кто попытается ввести эту несправедливую меру.

(Подписано) Четверо благочестивых”.

– Законопроект, о котором идет речь, – продолжил сэр Филипп, – это, разумеется, законопроект об экстрадиции (политических) преступников, который, если бы не противостояние оппозиции, мог быть принят еще на предыдущей сессии.

В ходе беседы сэр Филипп пояснил, что появление этого законопроекта обусловлено обострением борьбы вокруг вопроса о престолонаследии в Испании.

– Крайне важно не допустить, чтобы ни Англия, ни любое другое государство не стало пристанищем пропагандистов, которые, пользуясь безопасностью в тех или иных странах, готовы разжечь огонь раздора в Европе. Одновременно с данной мерой подобные законопроекты готовятся правительствами всех европейских стран. Фактически они все уже существуют и должны были вступить в силу одновременно с нашим, если бы нам удалось добиться своего на прошлой сессии.

⁴ Его Величества государственный секретарь иностранных дел – официальный титул министра иностранных дел Великобритании.

– Почему вы придаете такую важность этим письмам? – спросил представитель “Мегафона”.

– Потому что нас уверяют и наша, и континентальная полиция, что авторы этих посланий убеждены в своей правоте и смертельно опасны. “Четверо благочестивых”, как они называют себя, известны едва ли не в каждой стране мира. Нам бы всем очень хотелось узнать, кто эти люди. Они считают, будто существующая система правосудия неполноценна, и взялись собственноручно править закон. Это те люди, которые убили генерала Треловича, лидера сербских цареубийц, это они на площади Согласия в Париже повесили Конрада, поставщика французской армии, когда вокруг находились десятки полицейских. Они застрелили в собственном кабинете Ермона Ле Блуа, поэта и философа, за то, что он своими взглядами развращал молодежь.

Затем министр передал нашему журналисту список всех злодеяний, совершенных этой удивительной четверкой.

Наши читатели, несомненно, не забыли подробности каждого из убийств, но необходимо напомнить, что ранее эти преступления между собой не связывались (так тщательно правоохранительные органы различных государств скрывали тайну “Четверых”), и что до сегодняшнего дня не публиковалось ничего, что сделало бы достоянием общественности сам факт существования этой преступной группы.

У “Мегафона” имеется полный список шестнадцати убийств, которые являются делом рук этих четверых.

– Два года назад, после того как был застрелен Ле Блуа, благодаря какому-то проколу в их почти идеальной схеме, некий детектив сумел опознать в человеке, выходящем из дома Ле Блуа на авеню Клебер одного из четверки. Три дня за ним наблюдали в надежде на то, что удастся схватить всех четверых. В конце концов он заметил, что за ним следят, и попытался скрыться. Его преследовали от самого Парижа, пока не окружили в одном кафе в Бордо. Прежде чем он был убит, преступник застрелил местного сержанта и еще двух полицейских. Его сфотографировали, и снимок ходил по всей Европе, но кем был этот человек, чем занимался и даже национальность его по сей день остается загадкой.

– Но четверка по-прежнему существует?

Сэр Филипп лишь пожал плечами.

– Они либо нашли замену, либо работают в неполном составе, – сказал он.

В довершение министр иностранных дел добавил:

– Я делаю это публичное заявление, чтобы люди узнали об опасности, грозящей не только мне, но любому общественному деятелю, который поступает вопреки желаниям этой злой силы. Вторая причина, заставившая меня пойти на этот шаг: я хочу, чтобы люди, зная правду, помогли тем, кто стоит на службе закона и порядка в нашей стране, да и в других странах, чтобы их бдительность смогла предотвратить дальнейшие преступления.

Последующее обращение за дополнительными сведениями в Скотленд-Ярд не принесло ничего нового, нам удалось лишь выяснить, что Департамент уголовного розыска поддерживает связь с начальниками полицейских служб на континенте.

Далее мы приводим полный список убийств, совершенных “Четверкой благочестивых”, снабдив их теми подробностями, которые удалось собрать полиции в каждом отдельном случае. Выражаем признательность Министерству иностранных дел за разрешение воспроизвести этот список.

Лондон, 7 октября 1899 г.

Томас Катлер, владелец швейной мастерской, найден мертвым. Умер при подозрительных обстоятельствах. Коронерское жюри⁵ вынесло вердикт: “Умышленное убийство, совершенное неизвестным лицом либо группой неизвестных лиц”.

Установленная полицией причина убийства: Катлер (настоящая фамилия – Бентвич) был довольно состоятельным человеком и отличался крайне жестоким отношением к своим работникам. Трижды задерживался за нарушение фабричного законодательства. По предположению полиции, мотивом убийства могли стать и другие обстоятельства, более интимного характера, связанные с тем, как он обращался с работавшими на него женщинами.

Льеж, 28 февраля 1900 г.

Жак Эллерман, префект. Застрелен по дороге домой из оперы. Эллерман был известным распутником. После его смерти, во время следственных действий, было установлено, что он присвоил почти четверть миллиона франков из государственных фондов.

Сиэтл (Кентукки), октябрь 1900 г.

Судья Андерсон. Обнаружен в своей комнате задушенным. Андерсон трижды привлекался к суду по обвинению в убийстве. Он был вожаком группировки Андерсонов, участвовавшей в кровной вражде с семейством Хара. Он собственноручно убил семерых представителей клана Хара, ему трижды предъявляли обвинение, и трижды суд признавал его невиновным. Примечательный факт: в последний раз, когда его обвиняли в жестоком убийстве редактора “Сиэтл стар” и оправдали, он на глазах у всех присутствующих пожал руки подкупленным присяжным и поздравил их с успешным окончанием дела.

Нью-Йорк, 30 октября 1900 г.

Патрик Уэлч, известный взяточник и расхититель государственных средств. Бывший городской казначей, вдохновитель создания печально известного синдиката предприятий, занимающихся благоустройством дорог, деятельность которого была разоблачена “Нью-Йорк джорнал”. Уэлч был найден повешенным в небольшой роще на Лонг-Айленде. Поначалу предполагалось, что это самоубийство.

Париж, 4 марта 1901 г.

Мадам Деспар. Удушена. Этот случай тоже долгое время считался самоубийством, пока в руки французской полиции не попала определенная информация. О мадам Деспар нельзя сказать ничего положительного. Она была знаменитым “торговцем душ”.

Париж, 4 марта 1902 (ровно год спустя).

Месье Габриель Ланфин, министр связи. Найден застреленным в своем бруме⁶ в Булонском лесу. По подозрению в убийстве был арестован, но вскоре отпущен его кучер. Он клялся, что не слышал ни выстрела, ни крика хозяина. В тот день шел дождь и прохожих в лесу было мало».

(Далее перечислены десять остальных случаев, подобных упомянутым выше, в том числе убийства Треловича и Ле Блуа)

Несомненно, это была превосходная статья.

Главный редактор перечитал ее у себя в кабинете и произнес:

⁵ Коронер – должностное лицо при органах местного самоуправления города, которое разбирает дела о насильственной или внезапной смерти при сомнительных обстоятельствах.

⁶ Легкая четырехколесная двухместная карета.

– Весьма неплохо!

Репортер (которого звали Смит) остался очень доволен тем, как преподнесены добытые им сведения.

Министр прочитал ее дома в кровати за чашкой утреннего чая и, нахмурившись, задумался, не наговорил ли он лишнего.

Глава французской полиции прочитал ее перевод в «Ле Тан» (статья была переслана туда по телеграфу) и принялся в последних выражениях костить болтливого англичанина, который расстроил все его планы.

В Мадриде в Кафе Наций, на площади Солнца, Манфред с циничной усмешкой на устах и язвительными интонациями в голосе прочитал отрывки из нее трем слушателям. Двое весело рассмеялись, а третий низко склонил голову, и глаза его наполнились смертельным страхом.

Глава II. В палате общин

Кто-то (может, это был мистер Гладстон?⁷) заметил, что нет существа более опасного, более свирепого и более ужасного, чем обезумевшая овца. В то же время нам известно, что нет человека более опрометчивого, более несдержанного на язык и более *gauche*⁸, чем дипломат, который по той или иной причине, что называется, сходит с рельсов.

В жизни того, кто приучает себя следить за своей речью в государственных советах разных стран, кого специально обучают, как осторожно ходить по полю, изрытому волчьими ямами дружественных сил и не угодить в ловушку, случаются моменты, когда практика и правила поведения, выработанные годами, вылетают из головы, и он начинает себя вести, как обычный человек. Почему такое происходит, невдомек обычным людям, но то психологически подкованное меньшинство, которое способно в общих чертах объяснить умственные процессы, происходящие в головах их сородичей, несомненно, имеет весьма разумное и вполне убедительное объяснение для подобного рода сбоев.

Сэр Филипп Рамон был натурой своеобразной.

Я сомневаюсь, что существует сила, способная остановить его после того, как он принимал какое-либо решение. Это был человек с сильным характером, волевым квадратным подбородком, большим ртом и глазами того голубого оттенка, который встречается у особенно безжалостных преступников и самых известных генералов. И все же сэр Филипп Рамон боялся (боялся так, как мало кто мог представить) последствий той задачи, которую он перед собой поставил.

Есть тысячи людей, которых можно назвать героями в физическом плане и трусами в плане моральном, людей, которые смеются в лицо смерти... и живут в постоянном страхе попасть в неловкое положение. Суды присяжных ежедневно разбирают дела из жизни... и о смерти таких людей.

У министра иностранных дел все было наоборот. Обычный человек, не колеблясь, назвал бы министра жалким трусом, потому что он ужасно боялся боли и смерти.

– Если это так вас беспокоит, – добродушно произнес премьер (разговор этот происходил во время заседания кабинета министров спустя два дня после памятной публикации в «Мегафоне»), – почему бы вам не отказаться от этого законопроекта? В конце концов, есть ведь дела и поважнее, которые палате тоже нужно успеть рассмотреть. Сессия уже подходит к концу.

Сидящие за столом согласно зашептались.

⁷ Гладстон, Уильям (1809–1898) – английский политический деятель.

⁸ Нескладного, несуразного (фр.).

– Конечно, есть все причины отказаться. Нам еще избивание младенцев предстоит: законопроект Брайтевейта о безработных нужно проводить, а что на это скажет страна – одному Господу Богу известно.

– Нет! – министр иностранных дел грохнул кулаком по столу. – Я пройду через это, чего бы мне это ни стоило. Мы подведем кортесы, мы подведем Францию, мы подведем все страны Союза. Я дал слово, что законопроект будет проведен... И мы должны это сделать, будь тут хоть тысяча «Благочестивых», хоть тысяча угроз.

Премьер пожал плечами.

– Простите, Рамон, – произнес Болтон, заместитель генерального прокурора, – но меня не покидает ощущение, что вы поступили довольно неразумно, предоставив прессе такие подробности. Да, я знаю, мы все согласились с тем, что вы вправе сами решать, как быть с этим делом, но мне все-таки кажется, что вам не стоило быть столь уж... как бы это сказать... откровенным.

– Я не собираюсь обсуждать свое благоразумие, сэр Джордж, – чеканным голосом ответил Рамон.

Позже, прогуливаясь по дворцовому двору с моложавым канцлером казначейства, господин юрист короны, которого задел столь резкий ответ министра иностранных дел, ни с того ни с сего произнес:

– Старый осел!

И моложавый страж британских финансов понимающе улыбнулся.

– По правде говоря, – сказал он, – Рамон до смерти напуган. Во всех клубах только и разговоров, что про этих «Благочестивых». В «Карлтоне»⁹ за обедом один знакомый рассказал мне, что угроза в самом деле нешуточная... И, знаете, ему можно верить: он только что вернулся из Южной Америки и видел там, на что способны эти люди.

– И что это было?

– Президент одной из этих жалких мелких республик... Месяцев восемь назад, в списке про него сказано... Они повесили его... Ничего более дикого я в своей жизни не слышал! Представьте, они посреди ночи вытащили его из постели, сунули в рот кляп, глаза завязали, потом доставили в государственную тюрьму, получили разрешение войти и повесили на виселице... И исчезли!

Господин заместитель генерального прокурора видел определенные трудности, которые не могли не возникнуть при проведении подобной акции, и хотел о чем-то еще спросить своего спутника, но тут их нагнал заместитель госсекретаря и увлек канцлера для какого-то разговора.

– Чушь! – раздраженно пробормотал юрист короны.

Когда брум министра иностранных дел проезжал через толпу, собравшуюся у парламента, раздались аплодисменты и приветственные крики, однако настроение министра от этого не поднялось ни на йоту, поскольку тяги к славе он никогда не испытывал. Что-то подсказывало ему, что слава эта была следствием того риска, на который он пошел, и это удручало и раздражало его. По правде говоря, он был бы намного больше рад слышать насмешки людей, не верящих в существование этой загадочной четверки. По крайней мере, это принесло бы ему хоть какое-то душевное спокойствие.

Дело в том, что, хоть слава или безвестность не входили в число его приоритетов, он тем не менее свято верил в грубые инстинкты толпы. В вестибюле палаты его окружили взволнованные однопартийцы. Кто-то шутил, кто-то беспокойно расспрашивал, но всех интересовали последние новости... И все немного побаивались острого на язык министра.

⁹ Ведущий лондонский клуб консерваторов, основанный в 1832 г.

– Послушайте, сэр Филипп, – обратился к нему дородный и нагловатый депутат от Западного Брондсбери. – Что это за история с угрожающими письмами? Вы же не собираетесь обращать на них внимание, верно? Да я сам каждый день получаю по два-три таких.

Министр торопливо стал пробираться через толпу, но его схватили за руку. Это был депутат Тестер.

– Послушайте... – участливо начал он.

– Убирайтесь к дьяволу, – отрубил министр иностранных дел и быстро скрылся в своем кабинете.

– Ну и характер! – развел руками уважаемый депутат. – Сущий дьявол! По-моему, старик Рамон в панике. Эта идея с привлечением внимания к письмам с угрозами!.. Я вот сам...

Собравшиеся в депутатской курилке живо обсуждали «Четверых благочестивых», не высказывая, впрочем, ничего нового.

– Смех да и только! – категорически произнес один. – Четыре каких-то мифических человека собираются, видите ли, противостоять всей мощи и организованным структурам самой высокоразвитой нации в мире.

– После Германии, – глубокомысленно вставил его коллега по фамилии Скотт.

– О, умоляю, только не впутывайте сюда Германию, – раздраженно ответил первый. – Скотт, можем мы хоть о чем-нибудь поговорить, не вспоминая о превосходстве государственных институтов Германии?

– Это невозможно! – оживился Скотт, садясь на своего конька. – Не забывайте, что в Германии только в стали и железе производительность на одного занятого работника возросла на 43 процента, а ее транспортные...

– По-вашему, Рамон отзовет законопроект? – спросил старейший член партии, депутат от Восточного Олдгейта¹⁰, отмахиваясь от потока статистических данных.

– Рамон? Нет, только не он. Он скорее умрет...

– Положение очень необычное, – заметил Восточный Олдгейт и три города, один лондонский пригород и один провинциальный поселок городского типа согласно закивали, подтверждая: «Да, крайне необычное».

– В старые времена, когда Баскоу был еще молодым депутатом, – Восточный Олдгейт кивнул на согбенного, убаюканного сединами депутата с белоснежной бородой, с трудом ковылявшего к свободному креслу, – в старые времена...

– А я думал, старик Баскоу сегодня не придет! – неуместно заметил тут кто-то из невнимательных слушателей.

– В старые времена, – продолжил депутат от Восточного Олдгейта, – еще до заварухи с фениями...¹¹

– Кстати, о высокоразвитости, – снова взялся за свое увлекшийся Скотт. – Райнбакен в прошлом месяце сказал в нижней палате: «Германия достигла той точки, где...»

– Будь я на месте Рамона, – веско произнес Восточный Олдгейт, – я бы точно знал, как мне поступить. Я бы пошел напрямиком в полицию и сказал: «Послушайте...»

Но тут раздался оглушительный долгий звонок, и депутаты поспешили к двери.

Когда вопрос с девятым дополнением к постановлению о медуэйских портовых сборах был успешно разрешен, и слова «или же в дальнейшем считать принятым» подкрепились убедительным перевесом в двадцать четыре голоса, палата общин вернулась к прерванной дискуссии.

¹⁰ Восточный Олдгейт (Олдгейт-ист) – район Лондона.

¹¹ Фении – члены тайного общества, боровшегося за освобождение Ирландии от английского владычества. Организованные ими в 1867 г. восстания были подавлены.

– Я всегда говорил и буду это повторять, – провозгласило одно важное лицо, – что министр член кабинета, если он истинный государственный деятель, не имеет права думать о себе.

– Правильно! – выкрикнул кто-то и зааплодировал.

– О себе, – повторил выступающий. – Долг перед государством должен для него быть превыше любых... э-э-э... остальных соображений. Помните, что я сказал на днях Баррингтону, когда мы обсуждали бюджет? Я сказал: «Истинный и благородный джентльмен не позволяет, не может себе позволить игнорировать настойчивое и почти единодушное волеизъявление большинства избирателей. Поступки министра короны в первую очередь должны быть подчинены здравым, обдуманном суждениям большинства избирателей, чьи высшие чувства... – нет – ... чутье которых...» Нет, не так... Словом, я очень понятно выразил, в чем должен заключаться долг министра, – сбивчиво подытожил государственный муж.

– А теперь позвольте мне... – начал было Восточный Олдгейт, но тут к нему подошел лакей с подносом в руках, на котором лежал зеленовато-серый конверт. – Кто-то из господ обронил? – поинтересовался депутат и, взяв с подноса конверт, полез в карман за очками. – «Членам палаты общин», – прочитал он и посмотрел поверх пенсне на собравшихся.

– Прощение какой-нибудь компании о регистрации. По-видимому, это их проспект, – предположил тучный депутат от Западного Брондсбери. – Мне такие сотнями приходят. Буквально на днях...

– Слишком тонкое для проспекта, – возразил Восточный Олдгейт, взвешивая письмо в руке.

– Значит, реклама какого-нибудь лекарства, – настаивал упрямый представитель Брондсбери. – Я каждое утро такие получаю. «Берегите силы» и прочая ерунда в таком же духе. На прошлой неделе один тип прислал мне...

– Откройте, – предложил кто-то, и депутат повиновался. Прочитав несколько строк, он побагровел.

– Будь я проклят! – оторопело пробормотал он и прочитал вслух:

«Граждане!

Правительство собирается принять законопроект, отдающий в руки злейшего из современных правительств людей, патриотов, которым суждено стать спасителями своих стран. Мы уведомили министра, отвечающего за внедрение данного законопроекта (название его вам известно), что в случае, если законопроект не будет отозван, мы убьем его.

Мы идем на эту крайнюю меру неохотно, поскольку знаем, что в остальном министр – честный и мужественный человек, и лишь желание избежать исполнения нашего обещания подтолкнуло нас обратиться к членам прародительницы парламентов¹² с просьбой направить все силы на то, чтобы законопроект был отозван.

Будь мы обычными убийцами или грубыми анархистами, нам бы ничего не стоило обрушить безжалостный кулак мщения на членов этого собрания. Чтобы у вас не осталось сомнения, что угрозы наши – не пустой звук, соизвольте заглянуть под стол, стоящий рядом с нишей в этой комнате. Там вы обнаружите машину, мощности которой хватит, чтобы сровнять с землей большую часть этого здания.

(Подписано) Четверо благочестивых.

¹² В политической литературе характеристика английского парламента.

P.S. Мы не вставили в машину ни детонатора, ни взрывателя, поэтому она безопасна».

Пока зачитывалось послание, лица слушателей бледнели.

Письмо было написано очень убедительным тоном, поэтому все взгляды депутатов невольно устремились в сторону стола у ниши.

Да, там что-то было, нечто черное, квадратное. Законодатели в страхе отпрянули. Какое-то время они стояли, зачарованно глядя на непонятный предмет, а потом беспорядочной толпой ринулись к двери.

– Что это, розыгрыш? – взволнованно спросил премьер-министр срочно вызванного из Скотленд-Ярда эксперта, но тот покачал головой.

– Все точно так, как написано в письме, – строго по-деловому подтвердил он. – Вплоть до отсутствия запалов.

– И это действительно...

– Могло разрушить здание, сэр, – последовал ответ.

Премьер озабоченно прошелся по личному кабинету. Он остановился и посмотрел в окно, выходящее на террасу. Сейчас она была запружена возбужденными политиками, которые оживленно жестикулировали и, видимо, говорили все разом.

– Все это очень серьезно... Очень серьезно... – пробормотал он, а потом произнес вслух: – Сказано уже так много, что можно и продолжить. Сообщите о сегодняшнем происшествии газетам все, что они захотят узнать... Дайте им текст письма.

Он нажал кнопку звонка, и в кабинет бесшумно вошел секретарь.

– Напишите комиссару, пусть назначит вознаграждение в тысячу фунтов за арест человека, который подбросил эту штуку, и объявит о помиловании и вознаграждении любому его сообщнику за информацию.

Секретарь вышел, эксперт из Скотленд-Ярда остался.

– Ваши люди выяснили, как эта машина сюда попала?

– Нет, сэр, всех дежуривших полицейских сменили и допросили. Никто из них не видел, чтобы кто-то неизвестный входил или выходил из здания.

Премьер задумчиво поджал губы.

– Благодарю вас, – просто сказал он, и эксперт ушел.

На террасе в центре всеобщего внимания были Восточный Олдгейт и речистый депутат.

– Я, кажется, совсем рядом с ней стоял, – дрожащим от волнения голосом говорил последний. – Честное слово, как подумаю об этом, так у меня поджилки трясутся. Помните, Меллин? Я как раз говорил о долге министра...

– Я спросил у лакея, – рассказывал депутат от Олдгейта группе внимательно прислушивающихся коллег, окруживших его со всех сторон, – когда он принес письмо: «Где вы его нашли?» Он говорит: «На полу, сэр». Я решил, что это реклама какого-то лекарства и даже открывать не собирался, но кто-то...

– Это был я, – не без гордости вставил плотный джентльмен из Брондсбери. – Вы помните, я сказал...

– Да-да, конечно, – милостиво согласился Восточный Олдгейт и продолжил: – Я открыл конверт и прочитал несколько первых строчек. «Господи помилуй!» – говорю...

– Вы сказали: «Будь я проклят», – уточнил Брондсбери.

– Не важно, в общем, что-то вроде этого, – признал Восточный Олдгейт. – Я прочитал и... Я думаю, вы поймете меня, джентльмены, я даже, так сказать, не сразу осознал важность этого письма. Ну а потом...

Три зарезервированных места в мюзик-холле «Стар», что на Оксфорд-стрит, были заняты одно за другим. Ровно в половине восьмого пришел неброско одетый Манфред, в восемь прибыл явно преуспевающий джентльмен средних лет, это был Пуаккар, в восемь тридцать явился Гонзалес. Попросив на безукоризненном английском программу, он уселся посередине.

Когда партер и галереи уже вовсю распевали хриплыми голосами патриотическую песню, Манфред с улыбкой повернулся к Леону и сказал:

– Видел в вечерних газетах.

Леон быстро кивнул.

– Чуть не сорвалось, – тихо произнес он. – Когда я вошел, кто-то сказал: «А я думал, Баскоу сегодня не придет», и один из них чуть было не заговорил со мной.

Глава III. Вознаграждение в тысячу фунтов

Сказать, что Англия (как повторила не одна передовица) была потрясена чрезвычайным происшествием в палате общин, не будет прегрешением перед истиной.

Первая молва о существовании «Четырех благочестивых» была воспринята с понятным недоверием и даже насмешкой, особенно теми газетами, которые получали последние новости задним числом. Лишь «Мегафон» поняла и придала правильное значение тому, насколько истинной была опасность, нависшая над министром, ответственным за проведение злополучного законопроекта. Теперь же и самые недоверчивые не могли не обратить внимания на ту силу, которая столь загадочным образом проникла прямо в сердце самого охраняемого учреждения Британии. В стране, похоже, не осталось такой газеты, которая не пересказала бы истории о подброшенной бомбе, весть о последней дерзкой выходке «Четверки» пронеслась по британским островам от края до края.

Каждый день появлялись все новые и новые истории (большой частью вымышленные) о тех, на ком лежала ответственность за последнюю сенсацию. Где бы ни встречались люди, разговаривали они об одном: о странном квартете, в чьей власти оказались жизни «сильных мира сего».

Еще никогда со времен восстания фениев общество не пребывало в подобном напряженном ожидании, как на протяжении двух дней, последовавших за появлением в палате общин «бомбы-пустышки», как удачно описала ее одна из газет.

Возможно, напряжение это было в точности таким же, поскольку, по всеобщему убеждению, которое выросло из содержания обнародованных писем, «Четверка» грозила расправой одному определенному человеку.

Первое указание на их намерения вызвало широчайший интерес. Однако то, что угроза исходила из маленького городка во Франции – а это, в свою очередь, делало опасность не столь близкой – саму угрозу до определенной степени лишало зловещей неотвратимости. Так считали малосведущие в географии люди, которые не осознавали, что Дакс¹³ находится не дальше от Лондона, чем Абердин.

Но теперь таинственная опасность переместилась в самую столицу. Как же так, думали лондонцы, бросая тревожные косые взгляды по сторонам, любой человек на улице может оказаться одним из «Четверки», он может стоять рядом со мной, а я о том и не догадываюсь!

Такие мрачные черно-белые листки с воззванием к народу, навеявая уныние, смотрели с голых стен и с каждой полицейской доски объявлений:

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ 1000 ФУНТОВ

¹³ Город во Франции.

18 августа примерно в 4 часа 30 минут пополудни в курительную комнату депутатов неизвестным лицом или лицами была подброшена адская машина. Есть основания предполагать, что лицо или лица, подложившие вышеуказанную машину, являются участниками организованной преступной группы, известной как «Четверо благочестивых», которые разыскиваются по обвинению в предумышленных убийствах, совершенных в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Новом Орлеане, Сиэтле (США), Барселоне, Томске, Белграде, Христиании, Кейптауне и Каракасе.

Вышеозначенное вознаграждение будет выплачено правительством Его Величества любому лицу или лицам, предоставившим сведения, которые приведут к поимке любого или всех, кто называет себя «Четверо благочестивых» и является участником вышеуказанной банды.

Любому участнику банды также гарантируется помилование и денежное вознаграждение за сведения подобного рода, в случае если лицо, предоставившее подобную информацию, не было причастно к совершению указанных ниже убийств.

*(Подписано) Райдэй Монтгомери, Его Величества министр внутренних дел.
Дж. Б. Кэлфорт, комиссар столичной полиции*

(далее приводился список шестнадцати преступлений, приписываемых «Четверке»)

Боже, храни короля».

Дни напролет у досок с объявлением толпились люди, не веря своим глазам, всматриваясь в головокружительную цифру.

Это объявление отличалось от привычных лондонцам, поскольку в нем не было ни описания разыскиваемых, ни фотографий, по которым их можно было бы опознать, ни шаблонного «был одет в темно-синий шерстяной костюм, матерчатое кепи и клетчатый галстук», на основании чего бдительный горожанин мог бы присматриваться к прохожим.

Разыскать нужно было четырех человек, которых никто никогда не видел! Что это, как не погоня за призраками, блуждание в потемках в надежде увидеть неясную тень?

Суперинтендант сысской полиции Фалмут, человек очень прямой (однажды он отличился тем, что в весьма бесцеремонной форме, но очень доходчиво объяснил одной особе королевской крови, что не имеет глаз на затылке), прямо высказал комиссару столичной полиции, что он думает об этом деле.

– Невозможно поймать человека, если ты понятия не имеешь, кого или что нужно искать. Кто знает, может, это женщины. Они могут быть китайцами или неграми, высокими или низкими, они могут... Да что тут говорить, если мы даже не знаем, кто они по национальности! Они ведь чуть ли не в каждой стране мира накуролесили. Французами они быть не могут, потому что совершили убийство в Париже, янки тоже: судья Андерсон – их рук дело.

– Почерк? – комиссар приподнял пачку писем, которые держал в руке.

– Латинский, но это может быть подделка. А если и не подделка? Нет никакой разницы между почерком француза, испанца, португальца, итальянца, южноамериканца или креола... И, как я уже сказал, почерк можно подделать, и, скорее всего, так оно и есть.

– Что вы уже предприняли? – поинтересовался глава столичной полиции.

– Сгребли всех подозрительных из тех, кого знаем. Перетрясли Маленькую Италию, Блумсбери прошерстили, прошлись по Сохо и по всем колониям. Вчера вечером устроили облаву в Нанхэде, там живет много армян, но...

Сыщик вздохнул, всем своим видом выражая отчаяние.

– С таким же успехом, – продолжил он, – можно найти их в какой-нибудь дорогой гостинице, если, конечно, они настолько глупы, что будут держаться вместе. Да только можно не сомневаться, они сидят каждый в своей норе и встречаются раз-два в день в самом неожиданном месте.

Он замолчал и побарабанил пальцами по большому письменному столу, за которым они сидели.

– Мы привлекли и Де Курвиля, – добавил Фалмут. – Он потерялся среди соховских, и, что важнее, повидался со своим человечком, который с ними якшается... Это не их люди, я ручаюсь... По крайней мере, он ручается, и я ему верю...

Его начальник досадливо покачал головой.

– На Даунинг-стрит¹⁴ заваривается серьезная каша, – сказал он. – Никто не знает, чего ожидать.

Мистер Фалмут встал и, вздохнув, поправил фуражку.

– Нас ждут веселые деньки... Хотя я так не думаю, – парадоксально изрек он.

– А что думают люди? – спросил комиссар.

– Вы газеты видели?

По тому, как он пожал плечами, было видно, насколько невысокого мнения был комиссар столичной полиции об английской прессе.

– Газеты! Кто, скажите на милость, обращает хоть какое-то внимание на то, что пишут в газетах? – с раздражением произнес он.

– Я например, – спокойно ответил сыщик. – В газетах чаще всего пишут то, что хотят увидеть люди. Мне кажется, что идея ведения газеты в общих чертах к тому и сводится, чтобы человек, прочитав ее, сказал: «Хорошо сказано... Это как раз то, о чем я толкую».

– Ну, а на улицах... Вы знаете, что люди говорят?

Фалмут кивнул.

– Только сегодня вечером я в парке разговаривал с одним человеком. Вполне приличного вида господин, я бы даже сказал, интеллигент. «Что вы думаете об этом деле с “Четверкой благочестивых”?» – спросил я его. «Странное дело, – ответил он. – А вы как думаете, есть в этом что-то?» И это все, что говорят об этом люди, – поморщившись, подытожил офицер полиции.

Если в Скотленд-Ярде царило уныние, то Флит-стрит¹⁵ пребывала в радостном возбуждении. Была получена великолепная новость, новость, которой могли быть отданы развороты газет, новость, о которой могли трубить передовицы, новость, которую можно было помещать на плакатах, представлять в виде иллюстраций и диаграмм или освещать статистическими выкладками.

«Дело рук мафии?» – шумно вопрошала «Комет» и далее всеми силами доказывала, что именно так.

«Ивнинг уорлд», чья редакторская мысль любовно сохранила воспоминания о шестидесятых годах, тихо предполагала вендетту и приводила в пример «Корсиканских братьев».

«Мегафон», похоже, утратила интерес ко всему, кроме «Четырех благочестивых», и забивала целые страницы рассказами об их жутких злодеяниях. Из старых запыленных под-

¹⁴ Улица в Лондоне, на которой находятся резиденции премьер-министра и канцлера казначейства. Также неофициальное название английского правительства в целом.

¹⁵ Улица в Лондоне, где ранее располагались редакции большинства английских газет, считается центром газетной индустрии страны.

борок газета эксгумировала подробности всех убийств, совершенных как в Старом Свете, так и в Америке, напечатала фотографии и обстоятельные жизнеописания всех жертв, тем самым – вовсе не собираясь оправдывать «Четверку» – честно и непредвзято показав, какого сорта людьми они были.

К шквалу писем, обрушившемуся на редакцию, «Мегафон» отнесся очень осторожно, поскольку газета, имеющая клеймо «желтой», как правило, проявляет больше осмотрительности, чем ее более серьезные конкуренты. В газетном мире мало кто обращает внимание на скучную ложь, но интересное преувеличение может вызвать бурю негодования со стороны обделенного воображением соперника.

А количество писем о «Четверых благочестивых» тем временем росло с каждым днем, ибо вдруг, словно по волшебству, каждый внештатный корреспондент, каждый грамотный джентльмен, зарабатывающий пером, каждый, кто умел писать, неожиданно открыл, что всю жизнь был близко знаком с «Четверкой».

«Когда я жил в Италии, – писал автор “Заходите снова” (издательство “Hackworth Press”, 6 шиллингов; состояние почти идеальное – фаррингдонская книжная лавка, 2 пенса), – помню, мне рассказали одну историю об этих палачах...»

Или:

«Если место, где скрываются “Четверо злодеев” находится в Лондоне, то это может быть только в “Сухой бухте”, – писал другой джентльмен, который в северо-восточном углу своего манускрипта указал фамилию: Коллинс. – “Сухая бухта” во времена правления Карла II была известна как...»

– Кто такой Коллинс? – спросил издатель «Мегафона» у утомленного редактора.

– Наш бывший построчник, – устало пояснил помощник, показав тем самым, что даже передовые силы журналистики не прочь вернуться на проторенную дорожку. – Раньше он занимался полицейскими судами, пожарами, расследованиями и так далее, но сейчас ударился в литературу и пишет сразу две книги: «Живописными уголками старого Лондона» и «Знаменитые могилы Хорнси».

Во всех рабочих кабинетах в редакции творилось одно и то же. Каждая телеграмма, каждый листок бумаги, которые попадали на стол помощника редактора, содержали в себе отпечаток трагедии, нависшей над страной. Даже судебные протоколы отражали интерес к «Четверке». В одном описывалось разбирательство дела о ночной драке, устроенной подвыпившим юношей.

«Мой мальчик всегда был добрым и честным, – в слезах говорила его мать на суде. – Все эти ужасные рассказы о четырех иностранцах! Это они его таким сделали».

Суд счел это смягчающим обстоятельством.

И лишь сам сэръ Филипп Рамон, человек, наиболее всего заинтересованный в развитии ситуации, хранил молчание.

Он отказался разговаривать с журналистами, отказался обсуждать возможность убийства даже с премьером, а на письма от восхищенных его мужеством соотечественников, которые приходили из всех уголков страны, ответил объявлением в «Морнинг пост», где просил своих корреспондентов не слать ему открытки, поскольку они все равно отправляются в мусорную корзину.

Подумывал он и о том, чтобы в той же газете заявить о своем намерении провести законопроект через парламент, какую бы цену ему ни пришлось за это заплатить. Единственное, что его удержало, это опасение, что такой шаг посчитают слишком театральным.

Лишь с Фалмутом, на плечи которого как-то сама собой легла забота об обеспечении его безопасности, министр иностранных дел был необычайно любезен и однажды приоткрыл этому проницательному офицеру свою душу, душу человека, который живет в постоянном страхе за жизнь.

– Как вы полагаете, суперинтендант, опасность действительно существует? – повторял он по нескольку раз в день, и офицер, ревностный защитник непогрешимых полицейских сил, успокаивал его очень убедительно.

«Ведь зачем, – задавал он сам себе вопрос, – пугать человека, который и так уже напуган до смерти? Если ничего не случится, он увидит, что я был прав, ну а если... если... в этом случае он все равно не сможет назвать меня лжецом».

Сэр Филипп вообще был очень интересен детективу, который тоже раз или два не сумел сдержать в себе это чувство. Как-то министр, человек очень проницательный, перехватив полный любопытства взгляд офицера, спросил его напрямик:

– Вам интересно знать, почему я, зная об опасности, до сих пор не отказался от законопроекта? Что ж, вы, наверное, удивитесь, но я не чувствую опасности и даже не могу ее себе представить. Я никогда в жизни не думал о физической боли и ни разу не испытывал ее, даже несмотря на то, что у меня слабое сердце. Я просто не могу осмыслить и понять, что представляет собой смерть и что она несет: страдание или спокойствие. Я не согласен с Эпиктетом¹⁶ в том, что страх смерти якобы является следствием нелепого представления, будто мы знаем, что нас ждет по ту сторону, хотя на самом деле нет никаких оснований предполагать, что там нас ждет положение худшее, чем нынешнее. Я не боюсь умереть... Я боюсь умирать.

– Совершенно верно, сэр, – пробормотал сыщик, который хоть и относился с большим участием к переживаниям министра, но из вышесказанного не понял ни слова. Что поделать, он был не из тех людей, кто может по достоинству оценить меткое определение.

– Но, – продолжил политик (разговор происходил в его рабочем кабинете на Портленд-плейс), – хоть я и не могу представить себе процесс умирания, я очень хорошо представляю и даже знаю по опыту, к чему приводит утрата доверия на международном уровне, и у меня нет желания портить будущее из-за боязни того, что может в конце концов оказаться какой-нибудь ерундой.

И данное суждение прекрасно иллюстрирует, что нынешняя оппозиция с готовностью назвала бы «мучительными метаниями достойного джентльмена».

А суперинтендант Фалмут, с лица которого не сходило очень внимательное выражение, в душе пожевывал и думал, где он мог слышать имя Эпиктет.

– Я принял все меры предосторожности, сэр, – вставил детектив, когда изливания на какое-то время прекратились. – Я надеюсь, вы не против, если несколько моих ребят побудут рядом с вами недельку-другую? Если позволите, два-три офицера будут находиться в доме, когда вы бываете здесь, и, разумеется, в министерстве будет дежурить отряд.

Сэр Филипп возражать не стал и позже, когда они вместе ехали в Вестминстер в закрытом бруме, понял, почему перед ними и по бокам постоянно держатся несколько велосипедистов, и почему на дворцовый двор сразу следом за их брумом въехало еще два экипажа.

В положенное время, перед почти пустым залом заседаний в палате общин сэр Филипп поднялся со своего места и заявил, что он наметил следующее чтение законопроекта об экстремизме (политических преступников) на вторник через десять дней.

В тот же вечер Манфред встретился с Гонзалесом в саду возле северной башни¹⁷ и повел разговор о том, как сказочно красиво у Хрустального дворца¹⁸ при ночном освещении.

¹⁶ Эпиктет из Гиераполя (ок. 50 – 138) – римский философ-стоик.

¹⁷ Башня Вестминстерского дворца со знаменитыми часами и колоколом Биг-Бен.

¹⁸ Огромный выставочный павильон из чугуна и стекла, построенный в Лондоне в 1851 г. для первой международной промышленной выставки. В 1852 – 53 гг. перенесен в Сиденхем.

Гвардейский оркестр играл увертюру из «Тангейзера», и со временем речь у друзей зашла о музыке.

А потом:

– Что Тери? – спросил Манфред.

– Сегодня Пуаккар с ним возится. Достопримечательности показывает. – Оба мужчины рассмеялись. – А вы? – поинтересовался Гонзалес.

– А у меня был интересный день. В Грин-парке¹⁹ я повстречался с одним милым наивным сыщиком, и он спросил меня, что я думаю о нас самих!

Гонзалес прокомментировал какой-то пассаж в соль миноре, и Манфред закивал в такт музыке.

– У нас все готово? – спокойно спросил Леон.

Манфред все еще кивал и негромко насвистывал мелодию. С заключительным аккордом оркестра он замолчал и принялся аплодировать музыкантам вместе с остальными слушателями.

– Я выбрал место, – сказал он, хлопая в ладоши. – Нам лучше вместе туда пойти.

– Все уже там?

Манфред посмотрел на товарища, и глаза его блеснули особенно ярко.

– Почти все.

Оркестр грянул национальный гимн. Мужчины встали и обнажили головы.

Толпа, окружавшая эстраду, рассеялась во мраке, Манфред и Гонзалес тоже собрались уходить.

Тысячи маленьких огоньков, мерцая, освещали окрестности, и в воздухе стоял сильный запах газа.

– На этот раз воспользуемся другим способом? – не заявил, скорее, спросил Гонзалес.

– Однозначно. Другим, – решительно ответил Манфред.

Глава IV. Приготовления

Когда в «Ньюспейпер препрайетор» появилось объявление, гласящее, что «Продается старое надежное цинко-граверное дело с превосходным новым оборудованием и запасом химических реактивов», все, кто ориентируется в печатном мире, сразу же сказали: это мастерская Этерингтона.

Для человека постороннего цинко-граверная мастерская – это постоянное жужжание пил, свинцовая стружка, шумные листы металла и большие яркие дуговые лампы.

Для посвященных цинко-граверная мастерская – это место, где произведения искусства воспроизводятся фотографическим способом на цинковых пластинах, которые впоследствии используются для печатных целей.

Люди, действительно хорошо осведомленные, знают, что мастерская Этерингтона – это худшая из цинко-граверных мастерских, в которой производятся самые низкокачественные картины да еще по цене выше средней.

Предприятие Этерингтона (по распоряжению властей) продавалось вот уже третий месяц. Но, отчасти из-за того, что оно находилось не на Флит-стрит (а на Карнаби-стрит), отчасти из-за ужасного состояния оборудования (что говорит о том, что даже официальные ликвидаторы бессовестно лгут, подавая рекламу о продаже), до сих пор не поступило ни одного предложения о покупке.

¹⁹ Лондонский парк, тянется вдоль улицы Пиккадилли.

Манфред, съездив на Кэри-стрит в суд по делам о несостоятельности, из разговора с конкурсным управляющим²⁰, ведущим это дело, узнал, что мастерскую можно либо взять в аренду, либо выкупить, что в любом из вариантов заинтересованное лицо сразу вступает в право пользования, что на верхних этажах там располагаются жилые помещения, которые служили пристанищем для нескольких поколений смотрителей здания, и что для гарантии достаточно будет лишь указать банк покупателя.

– Станный тип, – сказал управляющий на собрании кредиторов. – Он думает, что заработает состояние, продавая фотогравюры Мурильо по бросовым ценам тем, кто ничего не смыслит в искусстве. Он сказал мне, что собирается организовать для этого небольшую компанию, и как только это случится, он полностью выкупит предприятие.

И действительно, в тот же день Томас Браун, торговец; Артур В. Найт, джентльмен; Джеймс Селкерк, художник; Эндрю Коэн, финансовый агент, и Джеймс Лич, художник, прислали регистратору акционерных обществ прошение о создании компании с ограниченной ответственностью для ведения фотогравюрного дела, для чего каждое из вышеперечисленных лиц подписалось на акции предприятия в объеме, указанном напротив каждого из имен.

(Кстати сказать, Манфред был очень неплохим художником).

И за пять дней до второго чтения законопроекта об экстрадиции компания вступила в право собственности нового предприятия для подготовки к ведению дела.

– Много лет назад, впервые приехав в Лондон, – сказал Манфред, – я узнал, что самый простой способ скрыть свою личность – это сделаться врагом нации. К словам «ограниченная ответственность» здесь питают огромное уважение, ну а такое важное занятие, как руководство компанией, здесь вызывает подозрение в той же мере, в какой привлекает внимание, но и вызывает не меньше подозрений.

Гонзалес отпечатал небольшой аккуратный проспект о том, что «Синдикат художественной репродукции» начинает работу первого октября, еще одно небольшое объявление о том, что «работники не требуются», и краткое дополнение, гласившее, что все заинтересованные лица будут приниматься исключительно по предварительной записи и все письма следует адресовать управляющему.

Здание, где размещался синдикат, имело совершенно не привлекательный вид. Это был обычный дом с плоским фасадом и глубоким подвальным помещением, со старым оборудованием, оставленным обанкротившимся гравером. На первом этаже располагались конторы, забитые ветхой мебелью и старыми бумагами.

Здесь были полки со старыми печатными пластинами, полки с покрывшимися пылью счетами, полки, заваленные всем тем мусором, который скапливается на рабочем месте клерка, получающего оклад с опозданием.

Второй этаж занимал цех, на третьем находился склад, а на четвертом, самом интересном этаже, были установлены огромные фотографические камеры и мощные дуговые лампы, столь необходимые для дела.

На этом же этаже в глубине здания были расположены три комнатухи, в которых некогда проживал смотритель.

В одной из них, спустя два дня после вступления во владение зданием, собрались четверо из Кадикса.

Осень в этом году наступила рано. На улице хлестал холодный дождь, но огонь, горящий в камине, выполненном в георгианском стиле, наполнял скромное помещение теплом и уютom.

²⁰ Государственный чиновник, назначаемый для временного управления имуществом компании, начинающей процедуру банкротства.

Это была единственная комната, которую очистили от мусора. В нее снесли всю лучшую мебель в доме, и сейчас на покрытом чернильными пятнами письменном столе, занимавшем всю середину комнаты, стояли остатки весьма недурного, если не сказать роскошного обеда.

Гонзалес читал маленькую книжицу в красной обложке, а на его носу красовались очки в золотой оправе. Пуаккар что-то рисовал, примостившись на углу стола, а Манфред курил длинную тонкую сигару и изучал список цен химической фабрики. И лишь Тери (или, как кое-кто предпочитал называть его, Симон) не занимался ничем, сидел с угрюмым видом у камина и глядел на беспокойные маленькие языки пламени.

Разговор шел вяло, обрываясь часто и надолго, как это бывает, если голова каждого занята своими мыслями. На этот раз внимание к себе привлек Тери, когда, неожиданно резко отвернувшись от огня, спросил:

– Сколько еще меня здесь будут держать?

Пуаккар, оторвав глаза от своего рисунка, заметил:

– Сегодня он уже третий раз об этом спрашивает.

– Говорите по-испански! – отчаянно вскричал Тери. – Мне уже надоело слышать этот новый язык. Я его не понимаю, и вас я не понимаю.

– Вам придется дожидаться, когда все будет закончено, – отчеканил Манфред на звучном андалузском наречии.

Тери зарычал и повернулся к камину.

– Я устал так жить, – буркнул он. – Я хочу сам ходить по городу, без сопровождения... Я хочу домой в Херес, где я жил свободным человеком... Я уже жалею, что уехал оттуда.

– Я тоже, – спокойно произнес Манфред. – Хотя не очень... Надеюсь, ради вашего же блага, что не пожалею об этом сильнее.

– Кто вы такие? – после секундного замешательства взорвался Тери. – Чем занимаетесь? Почему вам так хочется убивать? Вы что, анархисты? Что вы на этом заработаете? Я хочу знать!

Ни Пуаккара, ни Гонзалеса, ни Манфреда не огорчила резкость их пленника. Чисто выбритое, остроскулое лицо Гонзалеса поморщилось от удовольствия, он прищурил холодные голубые глаза.

– Превосходно! Идеально! – пробормотал он, ощупывая взглядом лицо Тери. – Острый нос, небольшой лоб и... *articulorum se ipsos torquentium sonus; gemitus, mugitusque et parum explanatis...*²¹

Физиономист мог бы продолжить данное Сенекой описание человека в гневе, но тут Тери вскочил и окинул всех троих сердитым взором.

– Кто вы такие? – медленно произнес он. – Почему мне знать, что вы делаете это не за деньги? Я хочу знать, почему вы держите меня, как преступника, почему не разрешаете читать газет, почему запрещаете самому выходить на улицу и разговаривать с теми, кто знает мой язык? Вы сами не из Испании, ни вы, ни вы... Ваш испанский... да, но вы не из той страны, которую знаю я. Вы хотите, чтобы я убил... но не говорите как...

Манфред встал и положил ему на плечо руку.

– Сеньор, – ласково произнес он, заглядывая ему в глаза, – прошу вас, умерьте пыл. Я еще раз заверяю вас, что мы не убиваем ради выгоды. У каждого из этих двух господ, которых вы видите перед собой, состояние превышает шесть миллионов песет, я еще богаче. Мы убиваем и будем продолжать убивать, потому что все мы пострадали из-за несправедливости, от которой закон не смог защитить нас. Если... если... – на какое-то время он замолчал,

²¹ Суставы трещат, выворачиваясь; он стонет, рычит, речь его прерывается и полна малопонятных слов (лат.) – из трактата Сенеки «О гневе».

продолжая смотреть на испанца серыми глазами, потом продолжил: – Если мы убьем вас, это будет первый случай подобного рода.

Издав свирепый рык, Тери вскочил и прижался спиной к стене. Смертельно побледнев, он, словно загнанный волк, переводил взгляд с одного на другого.

– Меня... Убить меня! – задыхаясь, просипел он.

Никто из троих не пошевелился, только Манфред опустил протянутую руку.

– Да, вас, – сказал он, кивнув. – Для нас это будет нечто новое, поскольку до сих пор мы убивали только во имя справедливости... А убить вас было бы несправедливо.

Пуаккар смотрел на Тери с жалостью.

– Именно поэтому мы и выбрали вас, – пояснил он. – Дело в том, что мы не можем полностью исключить из наших планов предательства, вот мы и подумали, что лучше уж это будете вы.

– Поймите, – мягко продолжил Манфред, – ни один волос не упадет с вашей головы, если вы будете верны нам. К тому же вы получите награду, которая даст вам возможность жить в... Вспомните девушку из Хереса.

Безразлично пожав плечами, Тери снова сел, но руки его дрожали, когда он сунул в рот сигарету и чиркнул спичкой.

– Мы вам предоставим больше свободы... Вы будете выходить на улицу каждый день. Через несколько дней мы все вернемся в Испанию. В Гранаде в тюрьме вас называли молчуном... Мы надеемся, что вы таким и останетесь.

После этого для испанца разговор продолжился на тарабарском языке, поскольку остальные перешли на английский.

– С ним хлопот очень немного, – сказал Гонзалес. – Теперь он одет как англичанин, так что внимания к себе не привлекает. Ему не нравится каждый день бриться, но это необходимо, и, к счастью, у него светлые волосы. Больше всего его злит, что я не разрешаю ему разговаривать на улице.

Манфред заговорил о деле.

– Я пошлю Рамону еще два предупреждения, и нужно, чтобы одно из них он нашел прямо у себя дома. Он мужественный человек.

– А что Гарсиа? – полюбопытствовал Пуаккар.

Манфред рассмеялся.

– Я видел его в воскресенье вечером... Милый старичок, пылкий и прирожденный оратор. Я сидел в глубине небольшого зала и слушал его речь (на французском) в защиту прав человека. Это был Жан Жак Руссо, Мирабо, просвещенный Брайт, а аудитория в основном состояла из юнцов-кокни, которые пришли туда, чтобы потом рассказывать знакомым, что побывали в храме анархизма.

Пуаккар нервно побарабанил пальцами по столу.

– Скажите, Джордж, почему такие вещи никогда не обходятся без банальности?

Манфред рассмеялся.

– Помните Андерсона? Когда мы заткнули ему рот кляпом, привязали к стулу и сказали, почему он должен умереть... Когда в полутемной комнате не было ничего, кроме умоляющих глаз приговоренного, мерцающего приглушенного света лампы и вас с Леоном и несчастной Клариссой в масках. Вы стояли молча, а я читал смертный приговор... Помните, как в эту минуту в комнату из кухни снизу донесся запах жареного лука?

– А вспомните цареубийцу, – подхватил Леон.

Пуаккар кивнул.

– Вы имеете в виду корсет? – уточнил он, и остальные двое засмеялись.

– От жизненной прозы невозможно отделаться, – вздохнул Манфред. – Бедный Гарсиа, от которого зависят судьбы наций, и любопытные девицы из окрестных лавок; трагедия и запах лука; выпад рапиры и китовый ус корсета... Они неразделимы.

Все это время Тери курил сигарету за сигаретой и смотрел на огонь, подперев голову руками.

– Возвращаюсь к нашему делу, – сказал Гонзалес. – Я полагаю, больше мы ничего не можем сделать до... того самого дня?

– Ничего.

– А после?

– Наши художественные репродукции.

– А после? – повторил Пуаккар.

– Есть дело в Голландии, а именно, Херман ван дер Биль, но там ничего сложного.

Предупреждать его надобности нет.

Пуаккар посерьезнел.

– Я рад, что вы заговорили о ван дер Биле, за него давно уже надо было взяться... Через Хук ван Холланд или через Флиссинген?²²

– Если будет время, через Хук, конечно.

– А Тери?

– Я о нем позабочусь, – легкомысленно произнес Гонзалес. – Мы с ним поедем по суше, в Херес... Там, где девушка, – улыбнувшись, добавил он.

Объект их разговора докурил десятую сигарету и, тяжело вздохнув, выпрямился.

– Забыл вам сказать, – продолжал Леон. – Сегодня, когда мы выходили на прогулку, Тери очень заинтересовался объявлениями, которые висят на каждом углу. Ему очень хотелось знать, почему их читает так много людей. Пришлось ему солгать... А я терпеть не могу ложь, – Гонзалес говорил совершенно искренне. – Я напелл ему что-то о скачках или о лотерее, и он, кажется, поверил.

Тери понял, что говорят о нем, несмотря на то что его имя произносилось на английский манер, и стал прислушиваться.

– Мы оставим вас развлекать нашего друга, – встав, произнес Манфред. – Нам с Пуаккаром нужно провести несколько экспериментов.

Двое вышли из комнаты, прошли по узкому коридору и задержались у небольшой двери в самом конце. Большая дверь с правой стороны, закрытая на задвижку и висячий замок, вела в студию. Вытащив из кармана небольшой ключ, Манфред отпер дверь, вошел и щелкнул выключателем, озарив комнату тусклым светом запыленной электрической лампы. Было заметно, что здесь недавно пытались навести порядок. С двух полок был убран мусор, и теперь на них стояли ряды маленьких ярких бутылочек, с номером на каждой. На зеленом сукне грубого стола в беспорядке громоздились всевозможные мензурки, пробирки, конденсаторы, химические весы и две странного вида стеклянные машины, похожие на газо-генераторы.

Пуаккар придвинул к столу стул и осторожно поднял металлическую чашку, которая стояла в миске с водой. Манфред, смотревший через его плечо, сказал что-то насчет густоты жидкости, наполовину заполнявшей этот сосуд, и Пуаккар слегка кивнул, будто услышав комплимент.

– Да, – произнес он довольным голосом, – полный успех, формула оказалась абсолютно правильной. Скоро она нам пригодится.

Он поставил чашку обратно в миску, потом сунул руку под стол и достал из ведра пригоршню ледяной крошки, которую аккуратно высыпал вокруг резервуара.

²² Портовые города в Нидерландах.

– Я называю это *multum in parvo*²³ взрывчатки, – сказал он, снял с полки пузырек, согнутым мизинцем открыл пробку и капнул пару капель беловатой жидкости в металлическую чашку. – Это нейтрализует элементы, – сказал Пуаккар и вздохнул с облегчением. – Я человек не нервный, но только сейчас за последние два дня почувствовал себя спокойно.

– Запах просто жуткий, – пожаловался Манфред, закрывая платком нос.

Над чашкой поднялся легкий дымок.

– А я на такие мелочи никогда не обращаю внимания, – сказал Пуаккар, опуская тонкий стеклянный стержень в смесь. Потом он вытащил стержень и посмотрел, как с его конца стекают красноватые капли. – Прекрасно, – промолвил он.

– И теперь это не взорвется? – спросил Манфред.

– Теперь это не опаснее чашки шоколада.

Пуаккар вытер стеклянный стержень тряпочкой, поставил пузырек на место и повернулся к товарищу.

– Что теперь? – спросил он.

Манфред ничего не ответил. Он отпер старый сейф, стоявший в углу комнаты, извлек из него полированную деревянную шкатулку, открыл и показал Пуаккару ее содержимое.

– Если Тери действительно так хорош, как он говорит, вот то, что приведет сэра Филиппа Рамона к смерти, – сказал он. – На эту приманку он непременно клюнет.

– Весьма изобретательно, – коротко прокомментировал Пуаккар и добавил: – А Тери осознает, какой шум поднялся?

Прежде чем ответить, Манфред закрыл шкатулку и вернул ее в сейф.

– Понимает ли Тери, что он – четвертый из «Благочестивых»? – уточнил он и, подумав, сказал: – Думаю, что нет. Тысяча фунтов – это примерно тридцать три тысячи песет, к тому же обещано помилование... Но девушка в Хересе...

У Смита, репортера, появилась блестящая идея, и он поспешил поделиться ею со своим начальником.

– Неплохо, – похвалил его редактор, что означало: идея действительно стоящая. – Совсем неплохо.

– Мне просто пришло в голову, – скромно сказал довольный репортер, – что кто-то из четверки может быть иностранцем и не понимать ни слова по-английски.

– Верно, – согласился редактор. – Спасибо за предложение. Сегодня же этим займусь.

Итогом этого разговора было то, что на следующее утро «Мегафон» появилась с полицейским объявлением на французском, итальянском, немецком и... испанском.

Глава V. Чрезвычайное происшествие в «Мегафоне»

Возвращаясь с обеда, редактор «Мегафона» встретил на лестнице издателя. Мысли молодявого на вид издателя были заняты новым проектом (а редакция «Мегафона» это место, где каждый день рождаются новые проекты), но он отвлекся и поинтересовался «Четырьмя благочестивыми».

– Шумиха продолжается, – ответил ему редактор. – Люди только и говорят, что о предстоящем обсуждении законопроекта, а власти делают все возможное, чтобы защитить Рамона от покушения.

– А общее настроение?

Редактор пожал плечами.

– Несмотря на бомбу, никто не верит, что действительно что-нибудь произойдет.

²³ Многое в малом (лат.).

На мгновение издатель задумался, а потом спросил:

– А вы что думаете?

Редактор рассмеялся.

– Я думаю, что угроза не будет исполнена. Во-первых, это будет не так-то просто сделать. Если бы «Четверка» заранее не предупредила Рамона, у них бы могло что-нибудь получиться, но теперь...

– Поживем – увидим, – сказал издатель и направился домой.

Поднимаясь по лестнице, редактор задумался, сколько еще «Четверка» будет снабжать его первосортным сенсационным материалом. Ему очень захотелось, чтобы они все же попытались привести в исполнение свою угрозу, пусть даже потерпят неудачу, а в том, что так и будет, он ни секунды не сомневался.

В его кабинете было темно, дверь заперта. Он порылся в кармане, нашел ключ, повернул его в замке, открыл дверь и вошел.

«Хотел бы я знать...» – подумал он, протягивая руку и нажимая кнопку включения света. И в эту секунду что-то ослепительно сверкнуло, на миг вспыхнуло пламя, и кабинет снова погрузился в темноту.

Удивившись, он вышел в коридор и потребовал переносную лампу.

– И вызовите электрика, – рявкнул он. – Опять эта чертова пробка сгорела!

Когда принесли лампу и вошли в кабинет, выяснилось, что вся комната заполнена ядовитым дымом, и электрик первым заметил, что все лампочки выкручены из патронов и аккуратно сложены на столе. От одного пустого патрона тонкий вьющийся проводок вел к маленькой черной коробочке, из которой и валил густой дым.

– Откройте окна, – приказал редактор и, когда принесли ведро с водой, осторожно опустил в него странную коробочку.

И лишь после этого редактор у себя на рабочем столе обнаружил письмо – зелено-вато-серый конверт. Он поднял его, повернул и распечатал, обратив внимание, что клей еще был влажным.

«Уважаемый сэр!

Включив сегодня вечером свет, Вы, возможно, решили, что стали жертвой одного из тех “чрезвычайных происшествий”, о которых Вы так любите писать в своей газете. Мы должны извиниться перед Вами за те доставленные неудобства. Причиной Вашего замешательства стало отключение лампы в кабинете и замена ее на нехитрое устройство, содержащее порошок магния. Уверяем Вас, что точно так же просто было присоединить заряд нитроглицерина, что сделало бы Вас собственным палачом. Мы устроили это для того, чтобы продемонстрировать серьезность своего намерения привести в исполнение наше обещание относительно законопроекта об экстрадиции. Нет такой силы, которая смогла бы защитить сэра Филиппа Рамона от уничтожения, и мы просим Вас, как человека, руководящего огромной силой, добавить свой вес на чашу весов справедливости и призвать правительство отказаться от необоснованной меры, что спасет не только жизни множества тех безобидных людей, которые нашли приют в Вашей стране, но и жизнь министра, чьим единственным недостатком для нас является его излишнее усердие, направленное на недостойное дело.

(Подписано) Четверо благочестивых».

– Вот так так! – пробормотал редактор и, вытирая лоб, посмотрел на мокрую коробочку, спокойно плавающую в ведре с водой.

– Что-тостряслось, сэр? – простодушно поинтересовался электрик.

– Ничего, – услышал он резкий ответ. – Заканчивайте работу. Вставьте на место лампы и уходите.

Электрик, любопытство которого разыгралось не на шутку, тоже посмотрел на плавающую коробочку с обрывком провода.

– Интересная штучка, сэр, – сказал он. – Если бы вы спросили меня...

– Я не собираюсь вас ни о чем спрашивать. Заканчивайте работу, – перебил его великий журналист.

– Прошу прощения, сэр, – сник умелец.

Через полчаса редактор «Мегафона» уже обсуждал ситуацию с Уэлби.

Уэлби, самый известный в Лондоне редактор-международник, широко улыбался, не скрывая удивления.

– Я всегда знал, что эти ребята настроены серьезно, – жизнерадостно сообщил он, – и более того, я почти уверен, что обещание свое они сдержат. Когда я был в Генуе, – ливиную долю попадавшей к нему информации Уэлби получал из первых рук, – когда я был в Генуе... Или это было в Софии?.. Там я встречался с человеком, который рассказал мне о деле Треловича. Ну, вы помните, это один из тех, кто убил сербского короля. Так вот, однажды вечером он пошел в театр... и ночью его нашли мертвым на площади с рапирой в сердце. У этой истории есть две очень интересные особенности. – Международник принялся загибать пальцы. – Во-первых, генерал был известным фехтовальщиком и имеются доказательства того, что он был не казнен, а убит на дуэли. Во-вторых, на нем был корсет (сейчас многие офицеры вслед за немцами взяли моду носить такие), и один из его противников, узнав это, вероятно в ходе поединка, заставил генерала снять его. В общем, когда его нашли, корсет лежал рядом.

– И уже тогда было известно, что это дело рук «Четверки»? – спросил редактор.

Уэлби отрицательно покачал головой.

– Даже я тогда еще о них не слышал, – с сожалением сказал он и спросил: – А вы что-нибудь уже предприняли?

– Я поговорил со швейцарами и посыльными, со всеми, кто тогда был на работе, но как проник в здание и ушел из него наш загадочный друг (я не думаю, что их было несколько), остается загадкой. Нет, это в самом деле что-то невероятное. Знаете, Уэлби, у меня появилось какое-то необъяснимое чувство... Клей на конверте был еще влажный, это значит, что письмо написали и запечатали на месте, должно быть, за несколько секунд до моего возвращения.

– А окна не были открыты?

– Нет, все три были закрыты и заперты. Через них в кабинет попасть было невозможно.

Прибывший на место происшествия для сбора информации сыщик подтвердил это мнение.

– Человек, написавший письмо, покинул комнату не более чем за минуту до того, как вы туда вошли, – заключил он и принялся изучать письмо.

Будучи молодым и энергичным человеком, детектив провел тщательнейший осмотр помещения. Он перевернул ковры, простучал стены, обыскал шкафы и потратил еще немало времени и сил на то, чтобы измерить все складной линейкой.

– У нас многие ребята посмеиваются над детективными рассказами, – пояснил он редактору, в изумлении наблюдавшему за его действиями. – А я вот перечитал всего Габорио и Конан Дойла и верю в важность мелких деталей. Скажите, тут не было сигарного пепла или чего-нибудь в этом роде? – с надеждой в голосе спросил он.

– Боюсь, что нет, – мрачно ответил редактор.

– Жаль, – сказал сыщик, и, завернув «адскую машину» с торчащими из нее проводами в бумагу, откланялся.

Через какое-то время редактор поведал Уэлби, что почитатель Шерлока Холмса целых полчаса ползал с лупой по полу в его кабинете.

– Он нашел полсоверена, которые я потерял несколько недель назад. Хоть какая-то польза...

В тот вечер о том, что на самом деле произошло в кабинете редактора, узнали только Уэлби и издатель. И все же по отделу помощников редактора прокатился слух, что в «святая святых» что-то произошло.

– Слышали, шеф сжег пробки у себя в кабинете и испугался смертельно, – сказал обозреватель портовых новостей.

– Да ну? – удивился специалист по погоде, отрываясь от своих таблиц. – А знаете, со мной недавно такая же история приключилась: захожу я вчера...

Прежде чем сыщик ушел, редактор предупредил его:

– О том, что случилось, знаете только вы и я, – сказал он, – так что, если об этом станут говорить, я буду знать, что информация просочилась из Скотленд-Ярда.

– Можете не сомневаться, от нас никто ничего не узнает, – ответил детектив. – У нас и так неприятностей хватает.

– Вот и хорошо, – кивнул редактор, и слова эти почему-то прозвучали как угроза.

Итак, Уэлби и редактор держали происшествие в секрете до тех пор, пока до отправки следующего номера в печать оставалось не больше получаса.

Человеку малосведущему это может показаться невероятным, но большинство тех, кто заведует выпуском газет, по своему опыту знают, что новости имеют печальную особенность распространяться еще до того, как газета сходит с печатных станков.

Нечестный наборщик (а даже среди наборщиков попадаются нечестные люди), бывает, переписет на бумажечку особо важную или срочную новость, а потом выбрасывает ее через условленное окно, за которым терпеливо дежурит неприметный человечек, он тут же подхватывает ее и мчится в редакцию конкурирующей газеты, где продает дороже золота. Такое бывает.

Но в редакции «Мегафона» шум начался в половине двенадцатого, поскольку только в это позднее время помощники редактора узнали о «чрезвычайном происшествии».

Новость была действительно сенсационной, и «Мегафон» отвел половину первой страницы на заголовки типа: «Снова “Четверо благочестивых”», «Чрезвычайное происшествие в редакции “Мегафона”», «Дьявольская изобретательность», «Очередное письмо с угрозами», «“Четверо” обещают исполнить свое намерение», «Удивительный документ», «Спасет ли полиция сэра Филиппа Рамона?»

– Прекрасная статья, – довольно проворчал редактор, читая корректурный оттиск.

Собираясь уходить, он у самой двери столкнулся с Уэлби и остановился, чтобы поговорить с ним.

– Неплохо, – выдал свою оценку многоопытный Уэлби. – Я думаю, что... Слушаю вас.

Последние слова были обращены к посыльному, который появился у двери в сопровождении какого-то незнакомого мужчины.

– Этот джентльмен хочет с кем-то поговорить, сэр... Он немного взволнован, и я подумал, может, что-то важное. Он иностранец, я ничего не могу понять из того, что он говорит, поэтому и привел к вам, мистер Уэлби.

– Что вам угодно? – спросил у незнакомца редактор по-французски.

Мужчина покрутил головой и произнес что-то на непонятном наречии.

– А, испанский! – воскликнул Уэлби и заговорил на этом языке: – Что вы хотели?

– Это редакция этой газеты? – мужчина достал из кармана грязный экземпляр «Мегафона».

– Да.

– Могу я поговорить с редактором?

Редактор посмотрел на него с подозрением.

– Я редактор, – сказал он.

Мужчина быстро оглянулся, потом чуть подался вперед и не очень уверенно произнес:

– Я – один из «Четырех благочестивых».

Уэлби сделал шаг вперед и внимательно осмотрел испанца.

– Как вас зовут? – быстро спросил он.

– Мигель Тери, я из Хереса, – ответил мужчина.

В половине одиннадцатого движущийся в западном направлении кеб, на котором Пуаккар и Манфред возвращались с концерта, пересек ХанOVER-сквер и свернул на Оксфорд-стрит.

– Вы просите отвести вас к редактору, – пояснял Манфред, – вас ведут наверх к кабинетам, там вы кому-нибудь объясняете, с чем пожаловали, перед вами извиняются и говорят, что ничем вам помочь не могут, они очень вежливы, но не настолько, чтобы провести вас до выхода на улицу, поэтому, блуждая в поисках выхода, вы подходите к кабинету редактора и, зная, что его нет на месте, проскальзываете внутрь, делаете там все что нужно, выходите, закрываете за собой дверь, если никого нет рядом, или делаете вид, что прощаетесь с кем-то внутри, если вас кто-то видит, и вуаля!

Пуаккар откусил кончик сигары.

– Запечатать конверт нужно клеем, который медленно сохнет, это прибавит таинственности, – спокойно сказал он.

Манфред засмеялся.

– Свежезапечатанный конверт для английского сыщика – слишком сильное искушение.

Бойко продвигающийся по Оксфорд-стрит кеб свернул на Эджвер-роуд, когда Манфред приоткрыл окошко.

– Мы выйдем здесь, – крикнул он извозчику, и тот остановил экипаж у тротуара.

– Я думал, вы говорили, вам в Пембридж-гарденс, – сказал кебмен, принимая у Манфреда деньги.

– Я так и говорил, – кивнул Манфред. – Всего доброго.

Они постояли, разговаривая, пока кеб не скрылся из вида, после чего развернулись и пошли в обратном направлении к Марбл-Арч²⁴, вышли на Парк-лейн, прошли по этому пристанищу «сильных мира сего» и свернули на Пиккадилли. Недалеко от площади они зашли в ресторан с длинной стойкой и множеством небольших альковов, в которых люди сидели за круглыми мраморными столиками, пили, курили и разговаривали. В одном из них в одиночестве сидел и курил длинную сигарету Гонзалес. На его чисто выбритом и обычно подвижном лице застыло сосредоточенное и задумчивое выражение.

Никто из мужчин, увидев его, не выказал ни малейших признаков удивления... Хотя сердце у Манфреда ёкнуло, а на бледных щеках Пуаккара проступил румянец.

Они сели за столик, когда подошел официант, сделали заказ. После того как он удался, Манфред тихо произнес:

– Где Тери?

Леон едва заметно вздрогнул.

– Тери сбежал, – спокойным голосом ответил он.

²⁴ Триумфальная арка, расположенная возле северо-восточной части Гайд-парка.

Минуту все молчали, потом Леон продолжил:

– Сегодня утром, собираясь уходить, вы дали ему пачку газет?

Манфред кивнул.

– Это были английские газеты, – сказал он. – Тери по-английски не понимает ни слова.

Но в них были фотографии... Я дал их ему, чтоб ему было не скучно.

– И среди прочих там был «Мегафон»?

– Да, – припомнил Манфред.

– Там было объявление о награде... и помиловании... на испанском.

Взгляд Манфреда устремился в пустоту.

– Да, я помню, – медленно проговорил он. – Я потом ее просматривал.

– Умный ход, – одобрительно кивнул Пуаккар.

– Я заметил, что он был очень взволнован, но решил, что это из-за того, что мы вчера рассказали ему, как собираемся устранить Рамона и какая роль в этом отведена ему.

Леон сменил тему, когда у стола появился официант с заказанными закусками.

– Как можно было, – продолжил он тем же голосом, – лошадь, на которую сделаны такие ставки, не привезти в Англию хотя бы за месяц?

– Это неслыханно! Утверждать, что фаворит большой гонки будет снят с забега и из-за чего? Из-за каких-то трудностей с пересечением Канала...²⁵ Возмутительно! – негодуяще добавил Манфред.

Официант ушел.

– Днем мы вышли на прогулку, – продолжил Леон, – и пошли по Риджент-стрит. Он каждые несколько секунд останавливался и заглядывал в витрины магазинов, потом неожиданно... мы смотрели на витрину фотомастерской... он исчез. На улице были сотни людей... Но Тери я не видел... С тех пор я его не могу найти.

Леон сделал глоток из бокала и посмотрел на часы.

Остальные двое сидели молча и неподвижно, но внимательный наблюдатель мог заметить, что и у Манфреда, и у Пуаккара руки потянулись к верхним пуговицам их плащей.

– Возможно, все не так плохо, – улыбнулся Гонзалес.

– Всю вину я беру на себя, – заговорил Манфред, но Пуаккар жестом остановил его.

– Если кто-то в чем-то виноват, то только не я, – со смешком произнес он. – Нет, Джордж, теперь уже поздно говорить о вине. Мы недооценили хитрость нашего друга, предприимчивость английских газет и... и...

– Девушку в Хересе, – закончил Леон.

Пять минут прошли в тишине, каждый напряженно пытался понять, что теперь делать.

– Вы мне сказали, что будете здесь к одиннадцати, – наконец произнес Леон, – поэтому я приготовил автомобиль, он тут недалеко. В Бернем-он-Крауче у нас есть дизельный катер... К утру вы уже можете быть во Франции.

Манфред внимательно посмотрел на него.

– А вы что намерены делать? – спросил он.

– Я останусь и закончу дело, – ответил Леон.

– Я тоже остаюсь, – негромко, но решительно сказал Пуаккар.

Манфред подозвал официанта.

– У вас есть последние вечерние газеты?

Официант ответил, что поищет и вскоре вернулся с двумя.

Манфред внимательно просмотрел их и отбросил в сторону.

²⁵ Английский канал – принятое в Англии название Ла-Манша.

– Ничего, – произнес он. – Если Тери направился в полицию, нам нужно затаиться и придумать другой способ завершить начатое. Или же мы можем нанести удар сейчас. В конце концов, Тери рассказал все что нужно, вот только...

– По отношению к Рамону это будет нечестно, – тоном, исключаяющим такую возможность, закончил предложение Пуаккар. – У него еще есть два дня, и он должен получить еще одно, последнее предупреждение.

– А потом нам нужно будет найти Тери, – сказал Манфред и встал. За ним встали и остальные.

– Если Тери направился не в полицию... Куда он мог пойти?

Интонация, с которой Леон задал этот вопрос, предполагала ответ.

– В редакцию газеты, опубликовавшей объявление на испанском, – ответил Манфред, и трое мужчин почувствовали, что это правильный ответ.

– Ваш автомобиль все же пригодится, – сказал Манфред, и они направились к выходу.

В кабинете редактора «Мегафона» Тери разговаривал с двумя журналистами.

– Тери? – переспросил Уэлби. – Не слышал такого имени. Вы откуда? Адрес свой можете назвать?

– Я из Андалузии, из Хереса, работал на виноградниках Сиено.

– Я не об этом, – оборвал его Уэлби. – Откуда вы пришли сюда... Из какой части Лондона?

Тери в отчаянии всплеснул руками.

– Откуда мне знать? Здесь столько домов, улиц, людей... И все это Лондон, Лондон, а я должен был убить человека, министра, за то, что он сделал какой-то неправильный закон... Они не рассказывали мне.

– Они? Кто они? – жадно спросил редактор.

– Остальные трое.

– Как их зовут? Имена?

Тери подозрительно посмотрел на собеседников.

– Обещали награду, – угрюмо произнес он, – и помилование. Я хочу получить их до того, как расскажу...

Редактор подошел к своему столу.

– Если вы – один из «Четырех», вы получите свою награду... И часть прямо сейчас. – Он нажал кнопку, и в дверях появился посыльный. – Сходите в наборный цех, скажите печатнику, чтобы до моего распоряжения не отпускал своих людей.

Внизу, в подвале, печатные машины уже громыхали вовсю, извергая первые номера утренних новостей.

– Итак, – редактор повернулся к Тери, который неуверенно переминался с ноги на ногу, пока отдавались указания. – Теперь расскажите мне все, что вам известно.

Тери не ответил, он смотрел на пол, себе под ноги.

– Награда и помилование, – упрямо пробормотал он.

– Да что вы канитель тянете? – нетерпеливо воскликнул Уэлби. – Получите вы и свою награду, и помилование. Расскажите, кто эти «Четверо благочестивых»? Кто остальные трое? Где их найти?

– Здесь, – произнес ясный отчетливый голос позади него.

Он повернулся и увидел незнакомца, который, войдя в кабинет, прикрыл за собой дверь и остановился, осматривая троих. Мужчина был во фраке, лицо его скрывала большая, ото лба до самого подбородка, маска. В опущенной руке его был зажат револьвер.

– Я – один из них. Остальные двое ждут у здания.

– Как вы сюда попали?.. Что вам нужно? – вскричал редактор и потянулся к ящику стола.

– Уберите руку! – тонкий ствол револьвера резко поднялся. – Как я сюда попал, вам расскажет ваш швейцар, когда придет в сознание. А пришел я сюда потому, что хочу спасти свою жизнь... По-моему, вполне разумное желание. Если Тери заговорит, меня можно считать покойником, поэтому я собираюсь помешать ему. Против вас, джентльмены, я ничего не имею, но, если вы попытаетесь встать у меня на пути, я убью вас, – просто сказал он. Все это время он говорил по-английски, Тери же, с округлившимися от страха глазами, раздувая ноздри, прижимался спиной к стене и часто дышал.

– Ты, – сказал человек в маске на испанском, повернувшись к охваченному ужасом доносчику, – хотел предать товарищей... ты хотел помешать великому делу, поэтому будет справедливо, если ты умрешь.

Он поднял руку и нацелил револьвер в грудь Тери. Тери повалился на колени, судорожно пытаясь произнести слова молитвы, но из его горла вылетали только отдельные звуки и обрывки фраз.

– Господи Боже, нет! – закричал редактор и бросился вперед.

Револьвер повернулся в его сторону.

– Сэр, – тихо, почти шепотом, твердо произнес незнакомец, – ради Бога, не заставляйте меня убивать вас.

– Я не позволю вам совершить хладнокровное убийство! – бледнея от гнева, яростно вскричал редактор и ринулся вперед, но Уэлби удержал его.

– Это бессмысленно, – прошипел он. – Разве вы не видите? Мы уже ничего не можем сделать.

– Можете, – произнес замаскированный и опустил револьвер.

Прежде чем редактор успел что-то произнести в ответ, в дверь постучали.

– Скажите, что заняты, – револьвер снова нацелился на Тери, который, скрючившись, лежал бесформенной грудой у стены и всхлипывал.

– Уходите, – выкрикнул редактор. – Я занят.

– Печатники ждут, сэр, – сообщил из-за двери посыльный.

– Итак, – спросил редактор, когда шаги посыльного стихли. – Что мы можем сделать?

– Вы можете спасти этому человеку жизнь.

– Как?

– Дайте слово чести, что позволите нам с ним уйти, не станете поднимать тревоги и не покинете этой комнаты в течение четверти часа.

Редактор заколебался.

– Откуда мне знать, что вы не убьете его, когда окажетесь в безопасности?

Мужчина с револьвером усмехнулся.

– А откуда мне знать, что вы не поднимете тревогу, как только я выйду из комнаты?

– Я мог бы дать слово, сэр, и этого было бы достаточно, – сдержанно произнес редактор.

– А я мог бы дать свое, – был спокойный ответ. – И, поверьте, мое слово еще ни разу не было нарушено.

В голове редактора происходила нешуточная борьба. В его руках находилась величайшая история века, еще минута – и он бы выжал из Тери тайну «Четверки».

Даже сейчас смелый бросок мог бы решить все... К тому же внизу ждут печатники... Но перед ним с револьвером в руке стоял решительный, готовый на все человек, и редактор сдался.

– Я соглашаюсь, но против своей воли, – сказал он. – Хочу предупредить: для вас арест и наказание неизбежны.

– К сожалению, – человек в маске слегка поклонился, – я не могу с вами согласиться... Кроме смерти нет ничего неизбежного. Пошли, Тери, – перешел он на испанский. – Слово кабальеро, я вас не трону.

Тери помедлил секунду, а потом, повесив голову и глядя в пол, шагнул вперед.

Человек в маске на дюйм приоткрыл дверь, прислушался, и в этот миг в голову редактора пришла мысль, возможно, самая удачная за всю его жизнь.

– Послушайте, – быстро проговорил он, снова превращаясь в журналиста, – вы не согласитесь, когда вернетесь домой, написать для нас статью? Никаких тайн можете не выдавать... Просто расскажите, что вами движет, опишите свой *raison d'être*²⁶.

– Сэр, – ответил незнакомец в маске, и в голосе его послышались восхищенные нотки, – я чувствую в вас настоящего художника. Статья будет доставлена вам завтра.

После этого дверь открылась, и двое мужчин вышли в темный коридор.

Глава VI. В тревожном ожидании

На следующий день кроваво-красные плакаты, осипшие уличные мальчишки-продавцы газет, аршинные заголовки и столбцы жирного шрифта на газетных страницах возвестили миру, насколько близка была «Четверка» к провалу. Пассажиры поездов, вчитываясь в лежащие на коленях газеты, рассуждали о том, как бы они поступили на месте редактора «Мегафона». Люди перестали говорить о войнах и о голоде, о засухе и об уличных происшествиях, о парламенте, об обычных убийствах, о германском кайзере, чтобы сосредоточиться на главной новости дня. Приведут ли «Четверо благочестивых» в исполнение свое обещание? Другими словами: убьют ли завтра министра иностранных дел?

Остальные темы были позабыты. Всех занимало лишь убийство, о котором объявили месяц назад и которое должно состояться завтра.

Неудивительно, что вся лондонская пресса отвела большую часть своих страниц появлению и столь скорому исчезновению Тери.

«...Трудно понять, – сокрушалась “Телеграф”, – почему, держа злодеев в руках, журналисты одной скандальной дешевой газеты позволили им уйти и продолжать строить козни против нашего выдающегося государственного деятеля, чья беспримерная... Мы говорим “если”, поскольку, к сожалению, в наши дни дешевой журналистики к любому рассказу, появляющемуся на страницах падких до сенсаций бульварных листков, нужно относиться с известной долей недоверия. Итак, повторимся, если эти головорезы действительно прошлым вечером побывали в редакции...»

В полдень Скотленд-Ярд распространил спешно напечатанное объявление:

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ 1000 ФУНТОВ

По подозрению в причастности к преступной группе, известной под названием «Четверо благочестивых», разыскивается Мигель Тери, он же Симон, он же Ле Чико, родом из Хереса, Испания. По-английски не говорит. Рост 5 футов 8 дюймов. Глаза карие, волосы черные, носит тонкие черные усы, лицо широкое. Телосложение плотное. Особые приметы: белый шрам на подбородке и старый ножевой шрам на теле.

Указанное выше вознаграждение будет выплачено любому, кто предоставит сведения, которые дадут возможность установить, что упомянутый Тери действительно является участником банды, известной как «Четверо благочестивых», и поспособствует его задержанию.

²⁶ Смысл жизни (фр.).

Из этого можно заключить, что информация, предоставленная редактором и его помощником в полицию ночью, привела к тому, что была задействована прямая телеграфная линия Англия – Испания, в Мадриде подняты с постели важные лица, и извлечено на свет божий личное дело Тери, на основании которого составлена его биография, тут же переправленная в Лондон энергичному главе столичной полиции.

Сэр Филипп Рамон, сидевший за письменным столом у себя в кабинете на Портленд-плейс, никак не мог сосредоточиться на лежащем перед ним письме.

Это было письмо управляющему его огромным поместьем Бранфелл, где он жил до того, как занял видный пост и переехал в столицу.

Ни жены, ни детей у сэра Филиппа не было. «...Если каким-то образом этим людям удастся добиться своего, знайте, что я оставил свои указания относительно Вас и всех, кто преданно служил мне», – писал он, из чего хорошо просматривалось общее настроение письма.

В течение последних нескольких недель отношение сэра Филиппа к возможным последствиям его поступка претерпели значительное изменение.

Раздражающая постоянная слезка, с одной стороны, необходимая для его же безопасности, с другой – не дающая успокоиться, привела к тому, что у него появилось острое чувство негодования, которое поглотило даже страх. Разум его заполонило одно непреклонное желание: довести до конца начатое дело, утереть нос этим «Четырем благочестивым» и показать, насколько министр иностранных дел выше и благороднее любых проходимцев. «Абсурдно, – отмечал он в статье, озаглавленной “Личность и ее отношение к общественному долгу”, опубликованной через несколько месяцев в “Куотерли ревью”, – и чудовищно предполагать, что мелочная критика со стороны совершенно некомпетентных источников может как-то повлиять на видение членом правительства законодательного поля, охватывающего интересы миллионов людей, вверенных его заботам. Он – всего лишь исполнитель, прекрасно настроенный инструмент, который придает материальную форму желаниям и воле тех, кто не только ожидает от него внедрения способов улучшения своего благосостояния или усовершенствования ограничений международных торговых отношений, но и надеется на защиту своих интересов, не связанных непосредственно с финансовыми делами... В подобных обстоятельствах министр, осознающий меру своей ответственности, перестает быть человеком и становится бесчувственным автоматом».

У сэра Филиппа Рамона было очень мало друзей, вероятно, из-за отсутствия качеств, привлекающих окружающих. Прямолинейный, сознательный, сильный, он был из тех хладнокровных и циничных людей, которых сделала таковыми жизнь, лишенная любви. Он не знал, что такое душевные порывы и ни у кого не вызывал их. Поняв, что то или иное действие несет меньше вреда, чем какое-либо иное, он совершал его. Посчитав, что та или иная мера может принести немедленную или отдаленную пользу, он доводил ее до победного конца. О сэре Филиппе можно сказать, что у него не было амбиций... – одни лишь цели. Он внушал страх всему кабинету министров, которым руководил, ибо ему было неведомо заветное слово «компромисс». Его мнение относительно чего-либо коллеги обязаны были безоговорочно разделять.

Четыре раза за короткую историю его пребывания у власти в газетах появлялись сенсационные заголовки о предполагаемом уходе одного из министров кабинета, и каждый раз им оказывался тот, чьи убеждения шли вразрез со взглядами министра иностранных дел. И в мелочах, как и в серьезных делах, он всегда добивался своего.

Он наотрез отказывался переселяться в свою официальную резиденцию, поэтому дом № 44 по улице Даунинг-стрит был превращен в нечто среднее между рабочим кабинетом и местом для официальных приемов. Жил он на Портленд-плейс и оттуда каждое утро отправ-

лялся на работу, проезжая мимо здания Королевской конной гвардии, когда часы на нем заканчивали бить десять.

Отдельная телефонная линия была проведена между личным кабинетом министра на Портленд-плейс и его официальной резиденцией, и это была единственная ниточка, связывающая сэра Филиппа со зданием на Даунинг-стрит, занять которое мечтали все первые лица его партии.

Однако сейчас, с приближением рокового дня, полиция все настойчивее требовала от него переезда на Даунинг-стрит.

Здесь, говорили они, защитить его будет намного проще. Сорок четвертый дом был им хорошо знаком, подъезды к нему легко охранять, и, что самое главное, если бы он туда переехал, отпала бы надобность в переезде от Портленд-плейс до Министерства иностранных дел, наиболее опасной части ежедневных передвижений министра.

Но убедить сэра Филиппа пойти даже на этот шаг оказалось очень непросто. Лишь после того как ему сказали, что, если он согласится, наблюдение за ним станет для него незаметнее, он уступил.

– Вам не нравится, что всюду за порогом мои люди, – прямо сказал ему суперинтендант Фалмут. – Вы жаловались, застав недавно в ванной одного из моих парней. Вы не хотите, чтобы с вами ездил офицер в штатском... Так вот, сэр Филипп, я вам обещаю, что на Даунинг-стрит ничего этого не будет. – И это стало решающим аргументом.

Перед самым отъездом на новое место, он сидел над письмом своему управляющему, пока детектив дожидался его за дверью.

Стоящий рядом телефон зажужжал (сэр Филипп ненавидел резкие звонки), и несколько взволнованный голос его личного секретаря поинтересовался, как скоро его ждать.

– На Даунинг-стрит дежурят шестьдесят человек, – энергично доложил молодой и рьяный секретарь. – Сегодня и завтра мы...

Сэр Филипп слушал подробный отчет о приготовлениях к его приезду с все нарастающим раздражением.

– Странно еще, что вы не додумались запереть меня в сейф, – рявкнул он и в сердцах бросил трубку.

В дверь постучали, и в комнату просунулась голова Фалмута.

– Не хочу вас торопить сэр, – сказал он, – но...

В общем, вышло так, что министр иностранных дел отправился на Даунинг-стрит в прескверном расположении духа.

Он не привык к тому, чтобы его подгоняли, чтобы о нем заботились или указывали, что делать. Раздражение его усугубилось, когда он увидел ставших уже привычными велосипедистов, едущих рядом с его каретой, стоящих на каждом шагу полицейских в штатском, старательно изображающих обычных прохожих, якобы бесцельно слоняющихся по улице. А когда он приехал на Даунинг-стрит и понял, что проезд туда закрыт для всех, кроме него, да еще увидел огромную толпу туристов, собравшихся поприветствовать его появление, сэр Филипп почувствовал то, чего не чувствовал еще никогда в жизни, – унижение.

Секретарь дожидался в его рабочем кабинете с черновиком речи, с которой ему предстояло выступить завтра по поводу второго чтения законопроекта.

– Мы не сомневаемся, что придется столкнуться с сильной оппозицией, – доложил секретарь, – но Мейнленд обязал всех своих депутатов присутствовать на заседании, так что мы ожидаем перевес самое меньшее в тридцать шесть голосов.

Рамон просмотрел текст и почувствовал облегчение.

Эти записи вернули ему старое ощущение безопасности и уверенности. В конце концов, он ведь великий государственный министр. Все эти угрозы – сущая ерунда. И только

полицию надо винить в том, что поднялась вся эта шумиха... Полицию и, разумеется, прессу... Да-да, правильно, именно прессу... Мало им «сенсаций» – раздули из мухи слона!

Когда он повернулся к секретарю, на лице его играла почти жизнерадостная улыбка.

– Ну хорошо, а что слышно о моих неизвестных друзьях?... Как там эти мерзавцы называют себя... «Четверо благочестивых», кажется?

Министр говорил не искренне, он прекрасно помнил их название, оно преследовало его и днем и ночью.

Секретарь несколько смутился, до сих пор он никогда не разговаривал с шефом о «Благочестивых», это считалось чем-то вроде запретной темы.

– Они... Собственно, ничего нового... Ничего такого, о чем бы вы еще не читали, – запинаясь, произнес он. – Мы выяснили, кто такой этот Тери, но трех его подельников пока найти не можем.

Министр надул губы.

– Я должен отречься до завтра, такой срок они мне дали, – сказал он.

– Вы получили новое послание?

– Да, но ничего особенного, – беспечно произнес сэр Филипп.

– А в противном случае?

Сэр Филипп нахмурился.

– Они сдержат обещание, – коротко произнес он, поскольку от этого «в противном случае» у него почему-то похолодело на сердце.

В комнате на верхнем этаже мастерской на Карнаби-стрит подавленный, едва живой от страха Тери молча сидел перед тремя мужчинами.

– Я хочу, чтобы вы поняли, – произнес Манфред, – мы не хотим причинять вам зла за то, что вы совершили. Я думаю, и сеньор Пуаккар думает, что сеньор Гонзалес поступил совершенно правильно, сохранив вам жизнь и вернув сюда.

Тери не выдержал полунасмешливого взгляда говорившего и опустил глаза.

– Завтра вечером вы сделаете то, что обещали... если необходимость в этом не отпадет. После этого вы поедете... – он замолчал.

– Куда? – неожиданно взорвался Тери. – Куда, во имя всех святых? Я назвал им свое имя, они знают, кто я... Они сообщат в полицию... Куда мне податься?

Он вскочил, сверкая глазами, обвел взглядом троих мужчин. Кулаки его были сжаты, все тело тряслось от неудержимого гнева.

– Вы сами себя выдали, – спокойно напомнил Манфред, – и это ваше наказание. Но мы найдем вам место, новую Испанию, под другим небом... И девушка из Хереса будет ждать вас там.

Тери с подозрением посмотрел на своих мучителей. Они смеются над ним?

Но на их лицах не было улыбок. Только Гонзалес пытливо смотрел на него.

– Вы обещаете? – хрипло спросил Тери. – Клянетесь, что, когда...

– Я обещаю... Если вы хотите, я даю слово, – сказал Манфред. – А теперь, – голос его изменился, – вы знаете, чего мы от вас ждем? Понимаете, что должны будете сделать? – Тери кивнул. – Все должно пройти гладко. Вы, я, Пуаккар и Гонзалес – мы убьем этого неблагочестивого человека так, как никто и не подозревает. Эта казнь ужаснет человечество. Это будет быстрая смерть, верная смерть, смерть, которая вползет к нему незаметно, которая невидимкой пройдет мимо его охранников. Такого еще не делал никто... Такого... – Манфред внезапно замолчал. Щеки его пылали, глаза горели. Он заметил устремленные на него взгляды товарищей: Пуаккар смотрел бесстрастно и загадочно, как сфинкс, Леон – вдумчиво и с интересом. Огня в глазах Манфреда поубавилось. – Простите, – смиренно сказал он, поднимая руку извиняющимся жестом. – Я увлекся и на миг забыл, ради чего мы все это затеяли.

– Вас можно понять, – рассудительно произнес Пуаккар, а Леон дружески положил ладонь на руку Манфреда.

Наступила неловкая пауза, а потом Манфред рассмеялся.

– За работу! – воскликнул он и первым направился в импровизированную лабораторию.

Тери энергично сбросил пиджак. В лаборатории он почувствовал себя в своей стихии. Из запуганного пленника он превратился в руководителя, раздавал указания, поучал, командовал. Люди, перед которыми он всего несколько минут назад стоял, содрогаясь от страха, теперь послушно бегали из студии в лабораторию, с этажа на этаж.

Работы было много. Многое нужно было проверить, просчитать, ряд вычислений предварительно сделать на бумаге, потому что для убийства сэра Филиппа Рамона «Четверка» решила использовать все передовые достижения современной науки.

– Нужно проверить, что вокруг происходит, – неожиданно сказал Манфред и направился в студию, откуда вернулся со стремянкой. Установив ее в темном коридоре, он ловко поднялся и открыл люк, ведущий на плоскую крышу здания. Подтянувшись, он выбрался наружу, прополз к краю крыши и осторожно выглянул из-за невысокого парапета.

Вокруг в радиусе полумили были сплошные неровные крыши. За пределами этого круга сквозь туман и дым серыми тенями вырисовывался угрюмый Лондон. Внизу проходила оживленная улица. Манфред окинул беглым взглядом и их крышу, затем через полевой бинокль долго и внимательно смотрел на юг. Покончив с осмотром, он пополз обратно к люку, открыл его, опустил в черную пустоту ноги и стал осторожно съезжать вниз, пока не почувствовал верхнюю ступеньку стремянки. Затем быстро закрыл люк и спрыгнул на пол.

– Ну как? – с оттенком торжества в голосе спросил Тери.

– Я вижу, вы поставили метку, – сказал Манфред.

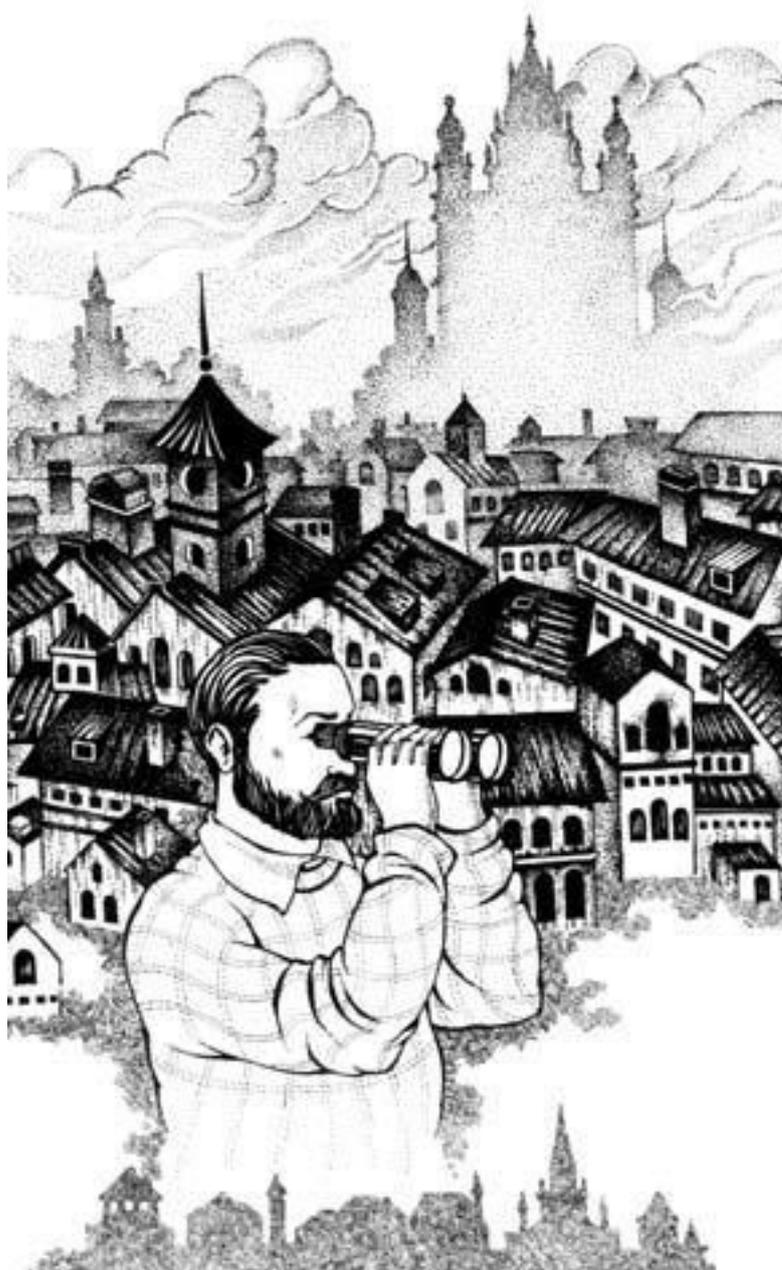
– Так будет лучше... Раз уж нам предстоит работать в темноте, – пояснил Тери.

– Ну а что наверху? Удалось увидеть? – поинтересовался Пуаккар.

Манфред кивнул.

– Очень неотчетливо... Здание парламента кое-как различить можно, Даунинг-стрит – сплошное нагромождение крыш.

Тери снова взялся за работу, захватившую все его внимание. Каким бы ни было его ремесло, работал он ответственно. Он чувствовал, что должен показать этим людям все, на что способен. В последние дни ему пришлось не раз убеждаться в их превосходстве, и теперь в нем разгорелось желание доказать, что и он чего-то стоит, что он тоже – личность, ему захотелось добиться благодарности людей, которые заставили его почувствовать свою незначительность.

Манфред и остальные в сторонке молча наблюдали за ним. Леон, озадаченно хмурия брови, не сводил глаз с лица работающего Тери. Объяснялось это тем, что Леону Гонзалесу, ученому и физиономисту (его перевод «Theologi Physiognomia Humana»²⁷ Леквеция на сегодняшний день считается лучшим), казалось невероятным видеть, что в одном человеке могут уживаться преступник и старательный работник.

Через какое-то время Тери завершил работу.

– Ну вот, все готово, – с удовлетворенной усмешкой объявил он. Дайте мне вашего министра, позвольте мне с ним поговорить, и через минуту он отдаст Богу душу.

Лицо его, и без того малоприятное, теперь выглядело демоническим. Он был похож на огромного испанского быка, почувствовавшего запах крови.

Тем более странным казалось спокойствие остальных. Ни один мускул не дрогнул на их лицах. В глазах – ни торжества, ни сожаления... Лишь необъяснимое нечто, которое появ-

²⁷ «Теологическая физиогномика человека» (лат.).

ляется на непреклонном лице судьи, когда он зачитывает суровый приговор. Тери увидел эти взгляды и весь похолодел.

Он выставил вперед руки, как будто защищаясь.

– Хватит! Прекратите! – вскрикнул он. – Не смотрите так, ради всего святого... Не надо, не надо! – трясущимися руками он закрыл лицо.

– Как не смотреть, Тери? – вполголоса спросил Леон.

Тери помотал головой.

– Не знаю... Как судья в Гранаде, когда... Когда он объявляет: «Да свершится правосудие!»

– Если мы смотрим так, – сухо произнес Манфред, – это потому, что мы и есть судьи. И не только судьи, но и исполнители приговора.

– Я думал, вам моя работа понравится, – проныл Тери.

– Вы прекрасно справились, – ровным голосом сказал Манфред.

– Bueno, bueno!²⁸ – эхом повторили остальные.

– Будем молиться, чтобы нам повезло, – торжественно произнес Манфред, и Тери удивленно уставился на этого странного человека.

Днем суперинтендант Фалмут доложил комиссару столичной полиции, что все готово для защиты министра.

– В сорок четвертом доме на Даунинг-стрит полно наших людей, – сказал он. – Почти в каждой комнате дежурит кто-то из моих молодцов. На крыше – четверо лучших людей, посты расставлены в подвале и на кухне.

– Слуг проверили? – спросил комиссар.

– Сэр Филипп привез своих людей из деревни, но сейчас в доме нет ни одного человека, начиная с его личного секретаря и заканчивая швейцаром, чью биографию я бы не знал как свою собственную.

– Все-таки душа у меня не на месте, – озабоченно вздохнул комиссар. – Только бы завтрашний день пережить... Каковы были ваши последние распоряжения?

– После прибытия сэра Филиппа я ничего не менял, сэр. Завтра до половины девятого он будет оставаться в доме, в девять он должен быть в парламенте, чтобы начать чтение законопроекта. Возвращается в одиннадцать.

– Я приказал перекрыть движение по набережной с без четверти девять до девяти пятнадцати. То же самое в одиннадцать, – сказал глава полиции. – От Даунинг-стрит до здания парламента поедут четыре экипажа, сэр Филипп будет следовать сразу за ними в автомобиле.

Неожиданно в дверь постучали (разговор этот происходил в кабинете комиссара), и вошел офицер. В руке он держал карточку, которую и положил на стол.

– «Сеньор Хосе де Сильва», – прочитал комиссар. – Глава испанской полиции, – пояснил он суперинтенданту. – Проведите его.

Сеньор де Сильва, поджарый невысокий мужчина с острым носом и бородой, приветствовал англичан с преувеличенной вежливостью, свойственной испанским официальным лицам.

– Простите, что заставил вас совершить такую дальнюю поездку, – сказал комиссар после того, как пожал гостю руку и представил ему Фалмута, – но мы подумали, что вы сможете помочь нам разыскать Тери.

– К счастью, я как раз был в Париже, – ответил испанец. – Да, я знаю Тери... Знаю ли я о «Четверке»? – плечи его поднялись до самых ушей. – А кто может сказать, что знает о

²⁸ Прекрасно, прекрасно! (Исп.)

них хоть что-нибудь? Я знаю, что они существуют – в Малаге было одно дело... Но Тери – мелкий преступник. Я был поражен, узнав, что он присоединился к банде.

– Кстати, – сказал комиссар, взяв со стола полицейский отчет и бегло просмотрев его, – ваши люди забыли указать... Хотя это, пожалуй, не так уж важно... Кто Тери по профессии? Испанский полицейский задумчиво насупил брови.

– По профессии, по профессии... Дайте подумать... – какое-то время он силился вспомнить. – Нет, не помню. Хотя, по-моему, это что-то связанное с резиной. В первый раз его арестовали за кражу резины. Но, если вы хотите знать точно...

Глава лондонской полиции рассмеялся и легкомысленно махнул рукой.

– Нет-нет, для нас это совершенно не имеет значения.

Глава VII. Посыльный «Четверых»

Обреченному министру нужно было передать еще одно послание. В последнем полученном им письме были такие слова: «Вы получите еще одно предупреждение, и, чтобы мы были уверены, что оно не затерялось, наше следующее и последнее обращение будет вручено Вам в руки одним из нас».

Это обещание внушило полиции больше надежды, чем все предыдущие события этой драмы. Они почему-то питали какое-то странное доверие к загадочной «Четверке». Было понятно, что это не обычные преступники, и слов на ветер не бросают. Если бы это было не так, то и таких тщательнейших приготовлений, направленных на обеспечение безопасности сэра Филиппа, никто бы не предпринимал. Честность «Четверки» была их главным и самым страшным отличительным свойством.

В данном случае появилась слабая надежда на то, что эти люди, которые вознамерились бросить вызов закону, в кураже переоценили свои силы. Письмо, в котором содержалось это обещание, было тем самым письмом, о котором сэр Филипп столь беспечно упомянул в разговоре с секретарем. Пришло оно по почте, и в нем была указана дата, а также место и время отправления: Белэм²⁹, 12 часов 15 минут.

– Вопрос в том, – в некоторой растерянности говорил суперинтендант Фалмут, – стоит ли окружить вас полностью, чтобы эти люди не смогли исполнить свою угрозу, или же будет лучше немного ослабить бдительность и заманить в ловушку одного из этих «Четырех».

Слова эти были адресованы сэру Филиппу Рамону, который, уронив голову на руки, сидел у себя в кабинете в огромном мягком кресле.

– Приманку из меня хотите сделать? – резко спросил он.

– Не совсем так, сэр. Хотим дать этим людям шанс...

– Я все прекрасно понимаю, – в голосе министра послышалось раздражение.

Детектив продолжил:

– Мы уже выяснили, как адская машина попала в парламент. В тот день, когда это произошло, видели, как в здание парламента входил мистер Баскоу, старик, депутат от Северного Торрингтона.

– И что? – удивился сэр Филипп.

– На самом деле в тот день мистера Баскоу и близко у здания парламента не было, – спокойно пояснил сыщик. – Мы могли об этом и не узнать – его имя не значилось в списках голосовавших. Но мы до сих пор работаем над этим делом, и всего пару дней назад случайно все выяснилось.

Сэр Филипп вскочил и стал нервно ходить по кабинету.

²⁹ Район в южной части Лондона.

– Отсюда следует, что они прекрасно осведомлены о жизни в Англии, – твердо сказал он.

– Да, очевидно, и в этом кроется главная опасность.

– Но, – нахмурился политик, – вы говорили, что нам нечего бояться... Что никакой опасности нет.

– Сэр, опасность заключается в том, – тихо заговорил детектив, напряженно всматриваясь в министра, – что люди, способные так изменять свою внешность, не могут быть обычными преступниками. Я не знаю, что за игру они затеяли, но играют они мастерски. Один из них, как видно, настоящий дока в подобных вещах, и именно его я боюсь... сегодня.

У сэра Филиппа нервно дернулась голова.

– Я уже устал от всего этого! Устал... – он с силой хлопнул по краю стола открытой ладонью. – Сыщики, маски, убийцы! Это все уже превратилось в мелодраму!

– Нужно потерпеть еще день или два, – как можно убедительнее произнес офицер. «Четверо благочестивых» действовали на нервы не только министру иностранных дел. – К тому же мы еще не решили окончательно, что будем делать сегодня вечером, – добавил он.

– Поступайте как хотите, – бросил сэр Филипп и поинтересовался: – Мне сегодня разрешат ехать в парламент?

– Нет, это в наши планы не входит, – ответил детектив.

Сэр Филипп на секунду задумался.

– Насколько я понимаю, все ваши действия держатся в тайне?

– Секретность абсолютная.

– Кто о них знает?

– Вы, комиссар столичной полиции, ваш секретарь и я.

– И больше никто?

– Ни один человек. С этой стороны опасность не угрожает. Если ваша безопасность зависит от секретности ваших перемещений, бояться нечего.

– Вы свои планы где-нибудь записываете? – спросил Филипп.

– Нет, сэр, мы ничего не записываем. Все приготовления обсуждаются устно. Даже премьер-министру о них ничего не известно.

Сэр Филипп облегченно вздохнул.

– Это хорошо, – заметил он, когда сыщик поднялся, собираясь уходить.

– Мне еще нужно встретиться с комиссаром. Это займет не больше получаса, а тем временем я советую вам не выходить из комнаты, – сказал он.

Сэр Филипп вышел вместе с ним в приемную, где сидел Гамильтон, его секретарь.

– В последние день-два, – сказал Фалмут, когда один из его людей подошел к нему и стал помогать надеть плащ, – меня не покидает неприятное чувство, можно сказать, чутье подсказывает, что за мной постоянно наблюдают. Поэтому я решил передвигаться исключительно на автомобиле: за ним не уследить так, чтобы не привлечь к себе внимания. – Он сунул руку в глубокий карман и достал большие защитные очки. Надевая их, сыщик несколько смущенно усмехнулся. – Это моя единственная маскировка. И я могу сказать, сэр Филипп, – добавил он с сожалением в голосе, – что впервые за двадцать пять лет службы чувствую себя в дурацком положении.

Когда Фалмут ушел, министр иностранных дел вернулся в свой кабинет и сел за письменный стол.

Он ненавидел оставаться один, это пугало его. То, что в доме находилось еще два десятка полицейских, не помогало побороть нахлынувшее чувство одиночества. Страх перед «Четверкой» не покидал его, и это до такой степени истощило нервы бедного министра, что теперь даже малейший шум раздражал его. Он взял лежавшую рядом с черниль-

ницей ручку, покрутил ее, думая о чем-то своем, стал механически водить ею по промока-
тельной бумаге и разозлился, увидев, что нарисовал несколько четверок.

А стоил ли законопроект всего этого? Стоит ли ради него идти на такой риск? Нужна
ли кому-нибудь такая жертва? Эти вопросы он снова и снова задавал себе, пока вдруг не
подумал: какая жертва? Какой риск?

– Еще ничего не произошло, я уже думаю о самом худшем, – пробормотал он, отшвыр-
нул ручку, и повернулся к столу боком. – Совсем не обязательно, что они сдержат свое
слово... Да что тут говорить, невозможно же, чтобы они...

Тут в дверь постучали.

– Суперинтендант? – удивился министр иностранных дел, когда стучавший вошел. –
Уже вернулись? Так скоро?

Детектив, энергично смахивая носовым платком пыль с усов, вынул из кармана офи-
циального вида голубой конверт.

– Лучше оставлю это у вас, – негромко, чтобы не было слышно за дверью, сказал он. –
Только я вышел за порог, как подумал: «Ведь всякое может случиться, мало ли что».

Министр принял конверт.

– Что это? – спросил он.

– Если бы кто-нибудь случайно увидел, что я ношу этот документ с собой, для меня
это была бы настоящая катастрофа, – сказал сыщик и развернулся, собираясь уходить.

– И что мне с этим делать?

– Я буду вам очень признателен, если вы до моего возвращения подержите его у себя
в столе. – И детектив вышел в приемную. Закрыв за собой дверь, он кивнул вытянувшемуся
полицейскому в штатском, охранявшему дверь, и спустился к ожидавшему его авто.

Сэр Филипп, озадаченно хмуря брови, посмотрел на конверт. Рядом с пометкой «Сек-
ретно» на нем было написано: «Отдел А, Департамент уголовного розыска, Скотленд-Ярд».

«Должно быть, какое-нибудь секретное донесение», – подумал сэр Филипп, и тут же
в голове у него возникла неприятная мысль, что внутри этого конверта может находиться
подробное описание мер, предпринимаемых полицией для обеспечения его безопасности.
Если бы министр знал, как недалеко он был от истины!

Положив конверт в ящик стола, он придвинул к себе несколько листов бумаги.

Это был текст законопроекта, ради которого он пренебрег опасностью и пошел на
такой риск.

Сам документ не был длинным. Состоял он из всего нескольких статей, цели, кратко
описанные в вводной части, были обозначены четко и в понятной форме. В том, что завтра
законопроект будет принят, можно не сомневаться. Кворум был обеспечен. Люди съехались
в город; партийные организаторы позаботились о том, чтобы все члены партий присутство-
вали на завтрашнем голосовании; мольбы и угрозы помогли возродить стремительно сла-
беющую силу нынешней администрации, превратив ее в единый мощный кулак; и даже те
отдельные представители обеих партий, на кого не подействовали призывы организаторов,
спешили в столицу, чтобы присутствовать при том, что, возможно, войдет в историю или...
закончится трагедией.

Заучивая текст, сэр Филипп механически выстраивал в мыслях линию атаки – произой-
дет трагедия или нет, но законопроект затрагивал интересы слишком многих людей в пар-
ламенте, и без яростного сопротивления дело не обойдется. Министр иностранных дел был
мастером красноречия, искусным спорщиком и блестящим изобретателем метких и хлест-
ких фраз. Дебатов ему можно было не бояться. Если только... Его сердце снова сжалось при
мысли о «Четырех благочестивых». И дело даже не в том, что они угрожали его жизни – он
давно уже заставил себя не задумываться об этом – ему не давала покоя сама мысль, что в
расчеты теперь приходится включать новый фактор, новую и страшную силу, которую не

переспорить и от которой не отделаться ядовитой остротой, силу, которую не обманешь и на которую парламентские методы не действуют. О том, чтобы пойти на уступки, он не думал. Мысль о примирении с врагом никогда не приходила ему в голову.

«Я пройду через это! – не раз вскрикивал он, оставаясь наедине с самим собой. – Я справлюсь!» И теперь, когда час испытаний приближался, жгучее желание сразиться с этой новой неизведанной мировой силой сделалось как никогда сильным.

Министр сидел за столом, подперев голову руками, когда заурчал стоявший рядом с ним телефон. Он снял трубку и услышал голос своего управляющего, напоминающего ему, что он хотел дать указания насчет своего дома на Портленд-плейс.

Сэр Филипп не хотел подвергать опасности своих слуг, поэтому его дом дня на два-три, пока весь этот ужас не уляжется, должен был опустеть. Если «Четверо» действительно намерены воплотить в жизнь свой замысел, они не станут рисковать, и если в планы их входило взорвать его бомбой, они, чтобы действовать наверняка, могут взорвать оба дома (и на Даунинг-стрит, и на Портленд-плейс) одновременно.

Как только он закончил разговор и положил трубку, раздался стук в дверь и вошел суперинтендант Фалмут. Детектив с некоторым беспокойством посмотрел на министра.

– Никто не заходил, сэр? – спросил он.

Сэр Филипп улыбнулся.

– Если вы хотите этим сказать, не доставили ли «Четверо» свой ультиматум, могу вас успокоить – никто из них сюда не являлся.

Лицо сыщика просветлело.

– Славу Богу! – с великим облегчением воскликнул он. – Я, признаться, извелся весь. Все думал, что-нибудь случится как раз тогда, когда меня не будет рядом. Но у меня есть для вас новость, сэр.

– Да?

– Да, сэр. Комиссар получил из Америки длинную каблогранму³⁰. У них там произошло два убийства, поэтому агентство Пинкертона выделило специального человека для сбора информации. Несколько лет он собирал разрозненные факты и улики, фиксировал все, что попадало ему под руку. И вот его послание.

Сыщик достал из кармана сложенный лист бумаги, развернул его, положил на стол и стал читать:

«Пинкертона, Чикаго. Комиссару столичной полиции, Скотленд-Ярд, Лондон.

Предупредите Рамона, что «Четверо» никогда не нарушают обещания. Если они угрожали убить определенным способом в определенное время, они будут пунктуальны. Тому у нас есть доказательства. После смерти Андерсона за окном его комнаты была найдена небольшая записная книжка, явно потерянная одним из них. Она была почти пуста, лишь три страницы исписаны убористым почерком. Эта запись была озаглавлена «Шесть методов казни». На книжке стояла пометка «С» (третья буква английского алфавита). Предупредите Рамона, что ему не стоит делать следующего: пить кофе в каком бы то ни было виде; вскрывать письма или пакеты; пользоваться мылом, которое не было изготовлено под присмотром надежного агента; пребывать в помещении, которое не находится под круглосуточным надзором офицера полиции. Общайте его спальню, убедитесь, что нет возможности провести в нее ядовитый газ. В помощь высылаем двух человек на «Луканию»³¹».

Детектив замолчал. Он знал, что это предложение не было в каблогранме последним. За ними шел злоеущий постскриптум: «Но боимся, что они прибудут слишком поздно».

³⁰ Каблогранма – телеграмма, посылаемая по подводному кабелю связи.

³¹ Британский океанский лайнер, спущенный на воду в 1893 году. В свое время «Лукания» была крупнейшим и самым быстроходным судном в мире.

– И что вы думаете? – спросил государственный муж.

– Что нужно прислушаться к советам Пинкертонна, – ответил детектив. – Американцы не станут говорить зря. Их предупреждение основывается на фактах, поэтому я и посчитал это послание таким важным.

Тут снова раздался громкий стук в дверь, и, не дожидаясь приглашения, в кабинет ворвался личный секретарь министра. Он размахивал газетой.

– Вы только взгляните! – с порога закричал он. – Вот, почитайте! «Четверка» признает неудачу...

– Что?! – воскликнул детектив и выхватил у него газету.

– Что это значит? – резко спросил сэр Филипп.

– Только то, сэр, что эти мерзавцы, кажется, опубликовали статью о своем «предназначении».

– Что это за газета?

– «Мегафон». Когда они забирали Тери, ее редактор попросил человека в маске написать о себе статью, и они это сделали! Вот она, тут они признают свою неудачу и... и...

Фалмут, уже успевший просмотреть статью, оборвал бессвязную речь возбужденного секретаря.

– «Во что верят “Четверо благочестивых”», – прочитал он. – И где же тут признание в неудаче?

– Посередине колонки, я отметил абзац... Вот! – и молодой человек ткнул в страницу дрожащим пальцем.

– Мы не допускаем случайностей, – стал читать детектив, – если случится хоть один сбой, если хоть что-то из того, что мы обещали, пойдет не так, мы признаем неудачу. Мы настолько уверены в том, что цель нашего существования – претворение в жизнь великого замысла, мы настолько убеждены, что являемся необходимыми инструментами в руках божественного провидения, что не смеем ради великой цели идти на неоправданный риск. Поэтому крайне важно, чтобы исполнению каждой казни предшествовали определенные заранее оговоренные действия, которые должны быть выполнены полностью и в точном соответствии с планом. Например, мы считаем необходимым доставить последнее предупреждение сэру Филиппу Рамону и, чтобы сделать предупреждение это более внушительным, доставить его должен кто-то из нас лично. Мы сделали все, чтобы этот пункт нашего плана был приведен в исполнение. Однако наши требования к самим себе настолько велики, что, если предупреждение это не будет передано сэру Филиппу в руки в соответствии с данным обещанием сегодня до восьми часов вечера, все наши приготовления окажутся напрасными, и нам придется отказаться от запланированной казни.

Детектив замолчал, каждая черточка его лица выражала разочарование.

– Увидев ваше возбуждение, сэр, я решил, что вы нашли что-то новое. Все это я уже читал. Копия статьи была прислана в Скотленд-Ярд, как только ее получили.

Секретарь взволнованно ударил кулаком по столу.

– Разве вы не видите? – запальчиво выкрикнул он. – Разве не видите, что больше нет надобности защищать сэра Филиппа, что его можно больше не использовать как приманку, что мы вообще можем вздохнуть спокойно, если считаем этих людей... Посмотрите на часы...

Детектив быстрым движением вынул из кармана часы, посмотрел на циферблат и пристынулся.

– Черт возьми, половина девятого! – изумленно пробормотал он, и все трое на какое-то время замерли, осмысливая важность этого открытия.

Тишину нарушил сэр Филипп.

– А если это уловка, чтобы усыпить нашу бдительность, – дрожь в голосе выдала охватившее его волнение.

– Не думаю, – медленно произнес детектив. – Я даже уверен, что это не так, и ослаблять охрану не стану... Но я верю в благородство этих людей... Не знаю, почему я так говорю, ведь я имею дело с преступниками последние двадцать пять лет и никогда не верил даже лучшим из них. Но почему-то я не могу не верить этим людям. Если у них не вышло доставить вам свое послание, больше они нас не побеспокоят.

Рамон напряженной походкой прошелся по кабинету.

– Хотел бы и я в это верить, – пробормотал он. – Мне бы вашу уверенность!

Стук в дверь.

– Срочная телеграмма для сэра Филиппа, – доложил седой служитель.

Министр протянул руку, но детектив опередил его.

– Помните предупреждение Пинкертон, сэр, – сказал он и вскрыл коричневый конверт.

«Только что получили телеграмму, отправленную с Чаринг-Кросс³² в 7:52. Начинается словами: “Последнее предупреждение министру иностранных дел доставлено”. Подписано: “Четверо благочестивых”. Это правда? Редактор “Мегафона”».

– Что это значит? – в полном недоумении произнес Фалмут, прочитав телеграмму.

– Это значит, дорогой мистер Фалмут, – сердито воскликнул сэр Филипп, – что ваша благородная «Четверка» – не более чем группка лжецов и хвастунов, да к тому же еще и убийц. И еще, я надеюсь, это означает, что вы наконец оставите свою смехотворную веру в их честность.

Детектив не ответил, но по лицу его прошла тень, он задумчиво прикусил губу.

– После того как я ушел, сюда никто не входил? – спросил он.

– Никто.

– И вы не видели никого кроме вашего секретаря и меня?

– Совершенно верно. Ни одна живая душа не разговаривала со мной и не приближалась на дюжину ярдов, – категорически ответил Рамон.

Фалмут сокрушенно покачал головой.

– Что ж... я... как же так... – пробормотал он и двинулся к двери.

Тут сэр Филипп вспомнил о доверенном ему конверте.

– Не забудьте свой драгоценный документ, – сказал он, выдвигая ящик, и бросил конверт на стол.

Детектив удивленно обернулся.

– Что это? – спросил он, глядя на конверт.

– Вы, надо полагать, слишком ошеломлены тем, что ваша оценка моих преследователей оказалась завышенной? – сказал сэр Филипп и подчеркнуто сухо добавил: – Я буду просить комиссара прислать мне другого офицера, который лучше разбирается в преступниках и который не верит, как малое дитя, в благородство хладнокровных убийц.

– Сэр, вы можете поступать так, как посчитаете нужным, – ничуть не смутился Фалмут. – Я лишь вздохну спокойнее, сложив с себя эти обязанности. А что касается моей пригодности к данной работе, то, поверьте, у меня нет более строгого судьи, чем я сам. Но меня больше интересует, что вы имели в виду, говоря, что у вас находятся какие-то мои документы.

Министр иностранных дел пристально посмотрел на невозмутимое лицо офицера полиции.

³² Перекресток между Трафальгарской площадью и улицей Уайтхолл, на которой расположены правительственные учреждения.

– Я имею в виду тот конверт, сэр, – резко сказал он, – который вы перед отъездом, вернувшись, оставили у меня.

Детектив от удивления на какое-то время лишился дара речи.

– Я не воз-вра-щал-ся, – наконец произнес он напряженным голосом. – Я не оставлял вам никаких бумаг. – Он взял со стола конверт, надорвал край. Внутри оказался еще один конверт. Увидев серо-зеленый уголок, сыщик воскликнул:

– Это послание от «Четверки»!

Министр, бледнея, попятился.

– А доставил его... – пролепетал он.

– Один из «Четверых благочестивых», – безжалостно закончил Фалмут. – Они выполнили свое обещание.

Он быстро шагнул за дверь в приемную, жестом подозвал к себе переодетого в штатское офицера, дежурившего у внешней двери.

– Вы помните, как я выходил? – спросил он.

– Да, сэр... Оба раза.

– Оба раза, значит, да? – едко произнес Фалмут. – И как же я выглядел во второй раз?

Его подчиненный часто заморгал, удивленный подобным вопросом.

– Как обычно, сэр, – неуверенно произнес он.

– Во что я был одет?

Констебль заколебался.

– В длинный пыльник.

– И на мне были защитные очки, надо полагать?

– Да, сэр.

– Я так и думал, – прорычал Фалмут, раздувая ноздри, и бросился по мраморной лестнице вниз в вестибюль. Там дежурили четыре офицера, которые при его появлении вытянулись и отдали ему честь.

– Вы видели, как я выходил? – спросил он сержанта, главного из четырех.

– Да, сэр, оба раза, – ответил офицер.

– Черт бы побрал эти ваши «оба раза»! – заскрежетал зубами Фалмут. – Через сколько я вернулся, когда ушел в первый раз?

– Через пять минут, сэр, – ошеломленно ответил офицер.

«Дали себе время подготовиться», – подумал Фалмут, а вслух сказал:

– Я приехал на автомобиле?

– Да, сэр.

– Ага! – надежда затрепетала в груди детектива. – А вы не заметили номера? – спросил он, и сердце его замерло в ожидании ответа.

– Заметил.

Детектив едва сдержался, чтобы не обнять невозмутимого офицера.

– Прекрасно... Какой был номер?

– A17164.

Фалмут торопливо записал номер в блокнот.

– Джексон, – позвал он, и один из переодетых офицеров сделал шаг вперед и отсалютовал. – Срочно отправляйтесь в Скотленд-Ярд и узнайте, на кого зарегистрирован этот номер. Когда выясните, найдите владельца, пусть расскажет, где был и чем занимался в это время. Если возникнет необходимость, возьмите его под стражу.

После этого Фалмут вернулся в кабинет сэра Филиппа. Министр все так же взволнованно расхаживал по комнате. Секретарь нервно барабанил пальцами по столу, письмо осталось нераспечатанным.

– Как я и думал, – стал объяснять Фалмут, – человек, которого вы видели, был один из «Четверки», ряженный под меня. Время он подобрал исключительно точно. Даже моих людей сумел провести! Им удалось найти автомобиль точно такой же конструкции и цвета, как у меня. Дождавшись подходящего времени, они приехали на Даунинг-стрит через несколько минут после того, как уехал я. У нас есть последний шанс поймать голубчика: по счастью, дежурный сержант заметил номер автомобиля, и, возможно, нам удастся по нему вычислить... Что вам?

В двери появился служитель.

– Вас хочет видеть детектив Джексон, сэр.

Фалмуту пришлось снова спуститься в вестибюль.

– Прошу прощения, сэр, – сказал Джексон, отдав честь, – но не могла ли с этим номером произойти какая-нибудь ошибка?

– А в чем дело? – напряженно спросил детектив.

– Видите ли, – сказал офицер, – номер A17164 зарегистрирован на вас.

Глава VIII. Записная книжка

Последнее предупреждение было изложено кратко и по существу:

«Мы даем Вам срок до завтрашнего вечера, чтобы пересмотреть свою позицию в отношении законопроекта об экстрадиции. Если к шести часам в газетах не появится сообщения о том, что Вы отозвали данный законопроект, у нас не останется другого выбора, кроме как исполнить данное нами обещание. Вы умрете в восемь часов вечера. К Вашему сведению прилагаем краткий перечень секретных мер, подготовленных полицией для обеспечения Вашей безопасности завтра.

(Подписано) Четверо благочестивых».

Сэр Филипп прочитал послание, не дрогнув. Просмотрел он и второй листок, на котором необычным иностранным почерком были перечислены подробности завтрашней операции, которые полиция в целях безопасности не решилась зафиксировать в письменном виде.

– Где-то происходит утечка информации, – сказал он, и двое встревоженных стражей увидели, что лицо человека, которого они были призваны защитить, посерело и поникло.

– Только четыре человека знали эти подробности, – тихо сказал детектив, – и я даю голову на отсечение, что ни комиссар, ни я не имеем к этому отношения.

– Я тоже! – в сильном волнении воскликнул секретарь.

Сэр Филипп, пожав плечами, устало рассмеялся.

– Какая разница?.. Они все знают, – сказал он. – Каким чудом они разведали тайну, я не знаю да и знать не хочу. Вопрос в том, могу ли я рассчитывать на защиту завтра в восемь вечера?

Фалмут стиснул зубы.

– Завтра вы либо выйдете отсюда живым, либо им придется убить двоих! – И глаза мужчины сверкнули так, что стало понятно: иному не бывать.

Весть о том, что видный политик получил еще одно послание, разнеслась по столице к десяти часам вечера. Об этом говорили в клубах и театрах, в антрактах люди с серьезными лицами обсуждали нависшую над Рамоном опасность. Палата общин кипела и бурлила от волнения. В надежде увидеть министра иностранных дел здесь собрались почти все члены парламента. Но после перерыва на обед выяснилось, что сэр Филипп сегодня вечером не имеет намерения показываться.

– Могу ли я спросить достопочтенного премьер-министра, входит ли в планы правительства Его Величества продолжить рассмотрение законопроекта об экстрадиции политических преступников, – спросил депутат от Западного Дептфорда, – и не находит ли целесообразным министр иностранных дел, в свете чрезвычайных обстоятельств, вызванных этим законопроектом, отложить внедрение этой меры?

Депутаты зашумели, послышались выкрики: «Правильно!», «Ответьте!», и премьер министр медленно встал, с некоторым удивлением глядя на спрашивавшего.

– Мне не известны обстоятельства, заставившие бы моего уважаемого друга, который, к сожалению, сегодня отсутствует, отказаться от его намерения вынести завтра на второе чтение данный законопроект, – заявил он и сел.

– Что это он так улыбался? – тихо спросил депутат от Западного Дептфорда у своего соседа.

– Волнуется просто, – со знанием дела ответил тот. – Чертовски волнуется. Сегодня я разговаривал с одним знакомым из кабинета, и он рассказал мне, что старик совершенно не понимает, что теперь делать. «Уж поверьте, – сказал он, – из-за этого дела о “Четверке благочестивых” премьер просто места себе не находит», – и многоуважаемый депутат замолчал, давая возможность собеседнику в полной мере оценить степень его осведомленности.

– Я попытался убедить Рамона отказаться от законопроекта, – тем временем продолжал премьер, – но он остался непреклонен. А страшнее всего то, что он, похоже, не сомневается в серьезности намерений этих людей.

– Это чудовищно! – возмутился министр колоний. – Просто непостижимо, как подобное может происходить. Это же подрывает все устои человечества, сводит на нет все достижения цивилизации!

– Все это, я бы сказал, достаточно романтично, – ответил флегматичный премьер, – да и позиция этих «Четырех» вполне логична. Подумайте, какая огромная сила – добрая ли, злая ли – часто бывает сосредоточена в руках одного человека: капиталист, контролирующий мировые рынки; перекупщик, придерживающий хлопок или пшеницу в то время, как мельницы простаивают без дела, а люди голодают; тираны, деспоты, держащие в своих руках судьбы целых народов... А теперь подумайте о четверых людях, никому не известных, которые как призраки скитаются по свету, выносят приговор и казнят капиталиста, перекупщика, тирана... Борются со злом, неподвластным закону. Мы, те из нас, кто больше склонен к идеалистическому мировоззрению, считаем: Бог им судья. Эти люди присвоили себе божественное право вершить высший суд. Если нам удастся их поймать, смерть этих людей не будет романтичной, они расстанутся с жизнью самым обычным способом в небольшом здании в Пентонвилле³³, и мир так никогда и не узнает, каких великих художников потерял.

– Но как же Рамон?

Премьер улыбнулся.

– Тут, я думаю, эти люди переоценили свои силы. Если бы они хотели сначала нанести удар, а потом объявить, какие преследуют цели, я почти не сомневаюсь, что Рамон был бы уже мертв. Но они заранее предупредили нас о своих планах и повторяли предупреждение многократно, всякий раз открывая свои карты. Мне ничего не известно о мерах, которые предпринимает полиция, но я совершенно уверен, что завтра подобраться к Рамону ближе чем на дюжину ярдов, будет сложнее, нежели какому-нибудь сибирскому каторжнику попасть на обед к царю.

– И Рамон не собирается отзываться законопроект? – поинтересовался министр колоний.

Премьер покачал головой:

– Однозначно, нет.

³³ Большая тюрьма в Лондоне, открытая в 1842 г.

Тут в переднем ряду поднялся один из представителей оппозиции с предложением внести поправку в дополнение к последнему обсуждавшемуся законопроекту, на чем разговор о «Четверке» закончился.

Когда не осталось сомнений, что Рамон не приедет, зал заседаний стал быстро пустеть. Члены парламента собирались в курительной и кулуарах, чтобы обсудить дело, которое их занимало больше всего.

Рядом с Вестминстерским дворцом собралась огромная толпа лондонцев, надеющихся хоть вполглаза увидеть человека, чье имя было у всех на устах. Уличные торговцы продавали его портреты, у грязноватого, растрепанного вида людишек, торгующих дешевыми книжонками, описание «истинной» жизни и приключений «Четверых благочестивых» шло нарасхват, а бродячие певцы, включая в свой репертуар сочиненные на скорую руку куплеты, превозносили бесстрашие государственного деятеля, не побоявшегося угроз «трусливых иностранцев» и «смертельно опасных анархистов». В этих виршах сэра Филиппа хвалили главным образом за его стремление не позволить чужеземцам отбивать кусок хлеба у честных трудяг.

Все это изрядно забавляло Манфреда, который с Пуаккаром ехал по набережной Виктории. Немного не доехав до Вестминстера, они выпустили кеб и пошли пешком к Уайтхоллу.

– По-моему, эти строки о «смертельно опасном чужеземном анархисте», который хочет лишить куска хлеба местных бездельников, особенно удачны, – посмеиваясь, заметил Манфред. Оба мужчины были во фраках, а в петлице Пуаккара красовалась шелковая ленточка ордена Почетного легиона. – Сомневаюсь, что Лондон так лихорадило со времен... Чего?

Недобрая усмешка Пуаккара не укрылась от взгляда его товарища, и Манфред тоже улыбнулся.

– Чего же?

– Этот же вопрос я задал метрдотелю, – медленно, как бы нехотя произнес Пуаккар. – Он сравнил нынешнее возбуждение с жуткими ист-эндскими убийствами.

Манфред остановился и в ужасе посмотрел на спутника.

– Боже правый! – сдавленным голосом воскликнул он. – Мне никогда не приходило в голову, что нас могут сравнивать с *ним*!³⁴

Они двинулись дальше.

– Это неизменная часть неискоренимой пошлости, – невозмутимо продолжил Пуаккар. – Даже Де Квинси³⁵ ничему не научил англичан. Здесь у бога справедливости есть только один пророк, и живет он в казенном доме в Ланкашире. Это ученик и ревностный последователь незабвенного Марвуда³⁶, чью систему он значительно развил и улучшил.

Они пересекли ту часть улицы Уайтхолл, от которой отходит Скотленд-Ярд. Им навстречу медленно шел сутуловатый человек, низко склонив голову и засунув руки в глубокие карманы старого засаленного плаща. Покосившись на них, он тут же отвел взгляд, остановился и вжал голову в плечи. Подождав, пока они пройдут мимо, он повернулся и шаркающей походкой последовал за ними. Толпа людей и казавшийся бесконечным поток транспорта на углу Кокспер-стрит заставили Манфреда и Пуаккара на время остановиться у перехода на другую сторону улицы. В толпе им пришлось немного потолкаться, поскольку

³⁴ Подразумевается Джек Потрошитель, который в 1888–1891 гг. совершил ряд зверских убийств в лондонском районе Ист-Энд.

³⁵ Де Квинси, Томас (1785–1859) – английский писатель, автор романа «Исповедь англичанина, употребляющего опиум».

³⁶ Марвуд, Вильям (1820–1883) – английский палач. Первый применил для повешения длинную веревку. Этот метод считался более гуманным, поскольку при повешении на длинной веревке у приговоренного ломались шейные позвонки, и он умирал от асфиксии, не приходя в сознание. Учеником и последователем Марвуда был Джеймс Берри, который внес некоторые усовершенствования в метод своего предшественника. Джеймс Берри повесил 131 человека, в том числе и Уильяма Бьюри, одного из подозреваемых в деле Джека Потрошителя.

сзади напирала все новые люди, но наконец они перешли дорогу и направились в сторону Сент-Мартинз-лейн.

Сравнение, приведенное Пуаккаром, все еще не давало покоя Манфреду.

– Но ведь сегодня вечером в театре Его Величества, – говорил он, – люди будут рукоплескать Бруту, когда он произнесет слова: «Иль Цезарь пал не ради правосудья?»³⁷. А разве найдется хоть один серьезный историк или просто образованный человек, который, спроси его: «Если бы Бонапарта убили сразу же после того, как он вернулся из Египта, было бы это благом для всего человечества?», не ответил бы: «Да»? Но мы... Разве мы – убийцы?

– Памятник убийце Наполеона они бы не поставили, – спокойно заметил Пуаккар. – Ведь не увековечили же они память Фельтона, который отправил на тот свет развратника и гуляку Бекингема, министра Карла I. Наши заслуги оценят будущие поколения, – улыбнулся он. – А что касается меня, то я уколов совести пока не ощущаю.

Он выбросил окуроч сигары, полез во внутренний карман, чтобы достать следующую, но, вытащив пустую руку, свистом подозвал проезжавший мимо кеб.

– В чем дело? – спросил Манфред, недоуменно глядя на товарища. – Вы же говорили, что хотите пройти пешком.

Тем не менее он сел в кеб с Пуаккаром, который велел кебмену мчаться к станции «Бейкер-стрит».

Кеб уже грохотал по Шафтсбери-авеню, когда Пуаккар наконец объяснил, что случилось.

– Меня обокрали, – вполголоса сказал он. – Пропали часы, но не это главное. Пропала моя записная книжка с записями для Тери... А это уже серьезно.

– Если пропали часы, может, это обычный карманник поработал? – предположил Манфред.

Пуаккар лихорадочно осматривал карманы.

– Все остальное на месте, – сказал он. – Может, это действительно, как вы говорите, обычный карманник. Если это так, он оставит часы, а записную книжку выбросит в ближайшую канаву. Но ведь это мог быть и полицейский агент.

– Там было что-нибудь, что могло бы указать на вас? – взволнованно спросил Манфред.

– Нет, – не задумываясь ответил Пуаккар, – но в полиции не дураки работают, они разберутся в вычислениях и догадаются, что мы задумали. Записи могут, конечно, не попасть к ним в руки, но, если это случится и вор может опознать нас, нам конец. Кеб остановился у станции подземки, и мужчины высадились.

– Я еду в восточную часть, – сказал Пуаккар. – Встретимся завтра утром. К этому времени я уже буду знать, попала записная книжка в Скотленд-Ярд или нет. До встречи.

Не сказав больше ни слова, мужчины разошлись.

Если бы Билли Маркс в тот вечер не хватил лишнего, он бы вполне удовлетворился своим уловом за день. Но, пойдя на поводу у ложного жидкого советчика, столь многих людей сбивающего с пути истинного, он решил, что грешно не воспользоваться шансом, который посылают ему боги. Всеобщее возбуждение, вызванное угрозами «Четверых благочестивых», привело в Вестминстер жителей всех лондонских предместий, и Билли с радостью обнаружил, что центр города заполнили сотни терпеливых простофиль, дожидаящихся транспорта в Стретэм, Камберуэлл, Клапам и Гринвич.

Так как ночь только начиналась, Билли решил поработать на трамвайной остановке. Он вытащил кошелек у толстой пожилой леди в черном, неплохие часы марки «Уотербери» у джентльмена в цилиндре, маленькое зеркальце из изящной дамской сумочки. Закончить

³⁷ Шекспир, «Юлий Цезарь», акт IV, сцена 3 (пер. М. Зенкевича).

работу он решил исследованием кармана высокомерного вида молодой женщины. И не прогадал: кошелек и кружевной платочек стали достойным вознаграждением за его старания, и он уже хотел скромно удалиться, как вдруг у самого уха услышал тихий шепот:

– Привет, Билли!

Он узнал голос, и настроение его тут же упало.

– Здравствуйте, мистер Говард, – воскликнул он, фальшиво улыбаясь. – Как поживаете, сэр? Вот уж неожиданная встреча!

– Куда направляешься, Билли? – приветливо поинтересовался мистер Говард, крепко взяв Билли за руку.

– Никуда. Домой, – пожал плечами Билли, сама добродетель.

– Считаю, что ты уже дома, – сказал мистер Говард, оттащивая вяло упирающегося Билли от толпы. – Ах, дом, милый дом. – Он подозвал еще одного молодого человека, с которым, судя по всему, был знаком. – Садитесь в этот трамвай, Портер, и проверьте, не потерял ли кто-нибудь чего-то из своих вещей. Если такие найдутся, ведите их к нам.

Молодой человек отправился выполнять поручение.

– Ну, а теперь, – сказал мистер Говард, все еще крепко сжимая руку Билли, – рассказывай, как дела.

– Послушайте, мистер Говард, – искренне возмутился Билли. – Что это за игры? Куда вы меня ведете?

– Игра все та же, – досадливо вздохнул мистер Говард. – Все та же старая игра, Билл, и я веду тебя как обычно в то место, где тебе будет хорошо.

– На этот раз вы ошиблись, начальник, – взвился Билл, и что-то негромко звякнуло.

– Я подниму, Билли, – сказал мистер Говард, быстро нагнувшись и поднял с земли кошелек, незаметно выброшенный вором.

В полицейском участке дежурный сержант сделал вид, что страшно рад появлению Билли, а тюремщик, который усадил Билли на скамейку за стальной решеткой, предварительно обыскав его карманы, приветствовал его, точно старого друга.

– Золотые часы, половина цепочки, деньги, три кошелька, два платка и записная книжка в красной кожаной обложке, – доложил тюремщик.

Сержант одобрительно покивал.

– Неплохой улов для одного дня, Вильям, – сказал он.

– Что мне на этот раз светит? – упавшим голосом поинтересовался заключенный, и мистер Говард, переодетый в штатское полицейский, не переставая составлять акт изъятия, предположил девять месяцев.

– Да вы что! – ужаснулся мистер Билли Маркс.

– Понимаешь, Билли, – сказал сержант, – ведь ты жулик и бродяга, жалкий воришка. На этот раз ты попался с поличным, и тебя будут судить... В восьмую его.

Последние слова адресовались тюремщику, потащившему к камерам Билли, отчаянно сопротивляющегося и во все горло протестующего против произвола полиции, которая только то и может, что хватать ни за что ни про что бедных простых людей, когда вокруг безнаказанно разгуливают кровожадные убийцы вроде «Четверых благочестивых».

– На что только идут налоги, которые мы вам платим? – продолжал негодовать Билли уже из-за решетки камеры.

– Уж кто бы говорил, Билли, – сказал тюремщик, закрывая камеру на двойной замок.

Вскоре в участок в сопровождении констебля Портера прибыли трое владельцев предметов, обнаруженных в карманах вора. Когда они опознали свои вещи и удалились, сержант сказал:

– Итак, остались только часы и записная книжка. Карманные золотые часы с круглым стеклышком на крышке, номер 05029020. Записная книжка, внутри ни писем, ни карточек,

ни адреса. Исписаны только три страницы. Интересно, что это значит? – сержант передал книжку Говарду. На странице, которая озадачила сержанта, был список улиц. Напротив каждого названия стоял какой-то непонятный значок.

– Похоже на дневник игрока в «зайца и собак»³⁸, – заметил мистер Говард. – А что на остальных страницах? – Они перевернули страницу и увидели дальше сплошные цифры.

– Хм, – несколько разочарованно произнес сержант и перевернул еще одну страницу. Содержание следующей страницы можно было прочитать, хотя было видно, что писали второпях, будто под диктовку.

– Тот, кто это писал, наверное, на поезд опаздывал, – пошутил мистер Говард, указывая на обилие сокращений:

«Выедет с Д.С. только чтобы в пар-мт. Поедет в п. в авто (4 пустых брм. впереди), 8:30. Приб. в 2. 600 пол. вдоль нбржн, 80 чел внутри Д.С. Один в каж. комн., три в каж. корид., шесть в подв., шесть на крш. Все двер. откр., чтоб видели др. У кажд. ревлв. К Р. допуск. только Ф. и Г. В пар-те на галер. – спец. аген-ы. Жур-сты только провер. 200 спец. аг. в корид. При необх. – доп. батальон охраны».

Полицейский прочитал все это очень медленно и внимательно.

– Белиберда какая-то, – развел руками сержант.

А далее последовал тот миг, который принес констеблю Говарду скорое продвижение по службе.

– Вы позволите мне взять ее на десять минут? – взволнованно попросил он. Удивившись, сержант протянул ему записную книжку.

– По-моему, я могу найти ее владельца, – сказал Говард, дрожащими руками принимая книжку. Нахлобучив шляпу, он пулей вылетел на улицу.

Не останавливаясь, он добежал до дороги, остановил кеб и, запрыгивая в него, крикнул кебмену:

– Уайтхолл, и вперед стрелой!

Через несколько минут он уже разговаривал с дежурным офицером у въезда на Даунинг-стрит.

– Констебль Говард, 956 Л., резерв, – представился он. – У меня очень срочное дело к суперинтенданту Фалмуту.

Усталый и осунувшийся Фалмут выслушал рассказ полицейского.

– И мне кажется, – задыхаясь от волнения, закончил Говард, – это имеет отношение к вашему делу, сэр. Д.С. – это Даунинг-стрит, а...

Фалмут выхватил у него из рук записную книжку и, прочитав несколько слов, ликующе вскрикнул:

– Это же наши секретные инструкции! – и, схватив констебля за руку, потащил его в вестибюль. Мой автомобиль здесь? – спросил он у дежуривших офицеров. Кто-то из них свистнул, и к двери подкатил автомобиль. – Садитесь, Говард, – сказал детектив, и они выехали на Уайтхолл.

– Кто вор? – спросил Фалмут.

– Билли Маркс, сэр, – ответил Говард. – Вы его вряд ли знаете, но в Ламбете это известная фигура.

– Как же, как же, – возразил Фалмут, – знаю я этого Билли очень даже хорошо... Посмотрим, что он нам расскажет.

Автомобиль подъехал к полицейскому участку, и мужчины выпрыгнули.

Сержант, узнав знаменитого Фалмута, вскочил и отдал честь.

³⁸ Популярная в Англии игра, в которой часть игроков пытается спрятаться, оставляя за собой след из кусочков бумаг, а вторая разыскивает их по оставленному следу.

– Мне нужен заключенный Маркс, – коротко сказал Фалмут.
Задремавшего Билли тут же разбудили, и он, моргая спросонья, вошел в комнату.
– Послушай, Билли, – сказал детектив, – мне нужно переброситься с тобой парой слов.
– О, да это же сам мистер Фалмут! – изумился Билли, и глаза его взволнованно забегали. – Я в хокстонском деле не участвовал, честное слово.
– Успокойся, Билли, ты мне не нужен. Если ты честно ответишь на мои вопросы – с тебя снимут вот это обвинение, вдобавок еще и награду получишь.
Билли это показалось подозрительным.
– Я не собираюсь никого сдавать, – если вы это имеете в виду, – угрюмо буркнул он.
– Нет же, – нетерпеливо отмахнулся детектив, и, подняв записную книжку, сказал: – Я хочу знать, где ты нашел вот это?
Билли усмехнулся.
– Вот именно. Нашел. На тротуаре валялась.
– Правду говори! – рявкнул Фалмут.
Билли втянул голову в плечи и неохотно признался:
– Ну, цапнул.
– У кого?
– Я имени у него не спрашивал, – ответил дерзкий воришка.
Детектив глубоко вздохнул.
– Скажи, Билли, – тихо сказал он, – ты слышал про «Четверых благочестивых»?
Билли кивнул, удивленно подняв брови.
– Так вот, – значительно произнес сыщик, – человек, которому принадлежит эта записная книжка, один из них.
– Да ну?! – изумился Билли.
– За его поимку обещана награда – тысяча фунтов. Если ты его опишешь и это поможет его арестовать, деньги твои.
Маркс остолбенел.
– Тысяча фунтов... Тысяча? – словно в бреду пробормотал он. – А я же мог его так просто поймать...
– Ну же, Билли, – торопил его детектив, – ты еще можешь успеть его поймать... Расскажи, как он выглядел.
Билли задумчиво насупился.
– Ну, как джентльмен, – сказал он, пытаясь унять разбушевавшееся воображение и вспомнить лицо своей жертвы. – Жилетка белая, белая рубашка, туфли лакированные...
– Лицо, Билли... Лицо! – наседал детектив.
– Лицо? – возмущенно вскричал Билли. – Откуда мне знать, какое у него лицо? Я не смотрю человеку в лицо, когда тяну у него часы!

Глава IX. Алчность Билли

– Идиот! Дурак набитый! Черти бы тебя забрали со всеми потрохами! – бушевал детектив, тряся Билли за воротник, как крысу. – Ты что, хочешь сказать, что стоял рядом с одним из «Четверых» и даже не удосужился посмотреть на его лицо?
Билли с трудом вырвался.
– Оставьте меня в покое! – огрызнулся он. – Что вы привязались? Откуда мне было знать, что это один из них? Да откуда вы сами знаете, кто это был? – добавил он, и по лицу его пробежала хитрая гримаса. Изворотливый разум Билли заработал на полную силу. В неожиданном заявлении детектива он почувствовал возможность извлечь выгоду из своего положения, о котором он всего несколько минут назад горько сожалел.

– Ну, успел я взглянуть на них краем глаза, – сказал он. – Они...

– На них? Они? – встрепенулся детектив. – Сколько их было?

Билли сделал вид, что обозлился.

– Нисколько.

– Билли, – задумчиво произнес Фалмут, – поверь, это очень важно. Если ты что-то знаешь, ты должен нам рассказать!

– Чего-чего? – протянул заключенный. – Ничего я не должен. Закон я не хуже вашего знаю... Вы не можете заставить человека говорить, если он не хочет. Не можете...

Детектив дал остальным офицерам знак оставить их одних и, когда они ушли, вполголоса произнес:

– На прошлой неделе освобожден Гарри Мосс.

Щеки Билли загорелись, он потупил глаза.

– Не знаю я никакого Гарри Мосса, – упрямо пробормотал он.

– На прошлой неделе освобожден Гарри Мосс, – многозначительно повторил сыщик, – после трех лет, которые отсидел за разбой... После трех лет и десяти ударов плетью.

– Ничего об этом не знаю, – гнул свое Маркс.

– Ему удалось улизнуть, и полиция не знала, где его искать, – хладнокровно продолжал Фалмут. – Они могли бы и по сей день его разыскивать, если бы... если бы, благодаря «полученной информации», его не вытащили прямо из кровати у него дома на Леман-стрит.

Билли облизнул пересохшие губы, но ничего не сказал.

– Гарри очень бы хотел узнать, кого ему надо поблагодарить за эти три года... и десять плетей. У людей, по чьей спине прошла кошка³⁹, хорошая память, Билли.

³⁹ Вид плети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.